Вл. Огородниковъ.

ДОНЕСЕНІЕ О МОСКОВІИ

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВѢКА.

Переводъ съ Итальянскаго съ предисловіемъ, примѣчаніями и приложеніями.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1913.

Предисловіе.

Итальянскій подлинникъ предлагаемаго ниже въ русскомъ переводѣ „Донесенія о Московіи“ впервые былъ опубликованъ А. И. Тургеневымъ въ I т. его „Historica Russiae Monimenta“ (изд. Археограф. Ком. СПБ., 1841) подъ слѣдующими двумя заглавіями: „Narratio historica de Moschovitico Imperio a Foscarino oratore Veneto facta“ (Историческое сказаніе о Московскомъ государствѣ, сочиненное Венеціанскимъ посломъ Фоскарино) и „Discorso della Moscovia di Marco Foscarino, almeno attributo a lui“. (Разсужденіе о Московіи Марка Фоскарино, по крайней мѣрѣ, ему приписываемое). Сочиненіе это напечатано г. Тургеневымъ по рукописи Ватиканской библіотеки (ex tomo LXXXVII Politicorum, adservato in tabulariis Vaticanis) съ варіантами изъ списка Валличелліевскаго, сдѣланными, по желанію Польскаго короля Станислава-Августа, аббатомъ Альбертранди. Списки съ Донесенія находятся, кромѣ того, въ Британскомъ Музеѣ, Королевской Берлинской Библіотекѣ и библіотекѣ Румянцевскаго Музея въ Москвѣ[1]. Нѣкоторые списки озаглавлены: „Relazione dell' Imperio o Ducato di Moscovia“ (Донесеніе о Московскомъ царствѣ или [Великомъ] Княжествѣ); въ рукописи же, хранящейся въ библіотекѣ Валличелли въ Римѣ, имѣется подробное заглавіе, писанное въ недавнее время: „Relazione degli grandissimi stati, richezze, forze, religione, governo, ordini militari antichi e moderni del Potentissimo Imperadore et Gran Duca di Moscovia, et un Discorso del modo di ritornare le speziarie al trafico de' Italiani, anche contro volontà de' Spagnuoli et Portoghesi“ (Донесеніе объ обширныхъ странахъ, богатствахъ, могуществѣ, религіи, управленіи, военномъ устройствѣ встарину и теперь Могущественнаго Императора и Великаго Князя Московіи, и Разсужденіе о томъ, какъ возвратить въ руки Итальянцевъ торговлю пряностями, несмотря на Испанцевъ и Португальцевъ[2]).

Латинское заглавіе Ватиканскаго списка Relazione, напечатаннаго А. И. Тургеневымъ въ 1841 г., приписываетъ это произведеніе венеціанскому послу Марку Фоскарино; а итальянское, называя то же имя, наводитъ, однако, на нѣкоторое сомнѣніе относительно принадлежности Relazione Фоскарино („almeno attributo a lui“).

---

[1] № 120—новый списокъ съ рукописи библіотеки Валличелли.

[2] Adelung, Fr. Kritisch-Literarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. St.-Petersburg u. Leipzig, 1846. B. I, S. 194.

Маркъ Фоскарино принадлежалъ къ одному изъ древнѣйшихъ и славныхъ родовъ Венеціи. Въ 1537 г. онъ посланъ былъ Сенатомъ въ Москву, вѣроятно, для устройства какихъ-нибудь торговыхъ дѣлъ. Въ русскихъ архивахъ, по словамъ Фр. Аделунга, не сохранилось никакихъ свѣдѣній объ этомъ посольствѣ. Описаніе путешествія Фоскарино, сочиненное на латинскомъ языкѣ, находится въ Римѣ, въ Ватиканской библіотекѣ, въ двухъ спискахъ, и въ обоихъ носитъ заглавіе „Narratio historica de Moscovitico Imperio a Foscarino oratore Veneto facta"; одно изъ нихъ имѣетъ, впрочемъ, еще второе заглавіе—„Discorso della Moscovia di Marco Foscarino, almeno attributo a lui". Фр. Аделунгъ, въ виду совершенной неизвѣстности путешествія Фоскарино, надѣялся помѣстить его въ предполагаемомъ имъ тогда изданіи рукописныхъ иноземныхъ извѣстій о древней Россіи; но это намѣреніе почтеннаго изслѣдователя такъ и осталось неосуществленнымъ[1].

Итакъ, по утвержденію Фр. Аделунга, подлинникъ „Сказанія о Московіи" Фоскарино былъ писанъ на латинскомъ языкѣ, на что указываетъ, между прочимъ, и латинское заглавіе обоихъ его списковъ. Но почему въ такомъ случаѣ то же заглавіе (и даже съ итальянскимъ его варіантомъ—Discorso della Moscovia...) носитъ *итальянскій* текстъ Донесенія, опубликованный А. И. Тургеневымъ? Не правильнѣе ли было бы напечатать это послѣднее произведеніе въ подлинномъ его видѣ, т. е. на латинскомъ языкѣ?

Частичное разрѣшеніе недоумѣнія, возбужденнаго этими вопросами, мы находимъ у Фр. Аделунга. Подъ № 41 своего „Kritisch-Literarische Uebersicht" онъ помѣщаетъ сочиненіе неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ—„Relazione dell' Imperio di Moscovia", краткое содержаніе котораго не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что именно данное произведеніе и было напечатано А. И. Тургеневымъ подъ приведенными выше двумя заглавіями. Такимъ образомъ, то, что Фр. Аделунгъ считаетъ за два совершенно отдѣльныхъ произведенія, А. И. Тургеневъ соединяетъ въ одно, приписывая его венеціанскому послу Марку Фоскарино.

Мы лишены возможности, путемъ сличенія текста всѣхъ дошедшихъ до насъ рукописныхъ списковъ „Сказанія" Фоскарино и „Донесенія" неизвѣстнаго автора, подойти къ окончательному разрѣшенію этого вопроса. Однако, нѣкоторыя сопоставленія и соображенія, основанныя на ближайшемъ изученіи Relazione, приводятъ насъ къ опредѣленному заключенію о немъ и его составителѣ.

Фоскарино, по словамъ Фр. Аделунга, былъ посланъ изъ Венеціи въ Москву въ 1537 г., между тѣмъ какъ „Relazione dell' Imperio di Moscovia" могло быть составлено не ранѣе 1557 г. Трудно предположить, чтобы между самымъ посольствомъ Фоскарино и написаніемъ имъ донесенія прошло 20 лѣтъ: посолъ долженъ былъ представить отчетъ о своемъ путешествіи немедленно по исполненіи возложеннаго на него порученія. Съ другой стороны, Фоскарино наврядъ ли и могъ написать Relazione въ 1537 или даже 1538 году, потому что „Книга о Московитскомъ посоль-

[1] Adelung, op. cit., B. I, S. 186.

ствѣ“ Павла Іовія, откуда заимствовано большинство извѣстій Relazione, впервые была напечатана въ томъ же 1537 г.; надѣяться на успѣхъ компиляціи, какою преимущественно и является „Донесеніе о Московіи“, при одновременномъ появленіи въ свѣтъ самаго источника его, не было ни основанія, ни смысла.

Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ заключенію, что Маркъ Фоскарино не былъ авторомъ „Relazione dell' Imperio di Moscovia“. Какимъ же образомъ это произведеніе было усвоено ему А. И. Тургеневымъ? Весьма возможно, что напечатанный имъ Ватиканскій списокъ Донесенія, дѣйствительно, имѣлъ приведенное выше двуязычное заглавіе; но оно было поставлено переписчикомъ или по ошибкѣ, или изъ желанія—аристократическимъ именемъ Фоскарино придать этому сочиненію большій авторитетъ и, слѣдовательно, внушить читателю большее довѣріе къ сообщаемымъ имъ свѣдѣніямъ. Справедливость этого заключенія подтверждается, по нашему мнѣнію, какъ самой оговоркой заглавія—„по крайней мѣрѣ, ему (Фоскарино) приписываемое“ (almeno attributo a lui), такъ и тѣмъ, что, за исключеніемъ Ватиканскаго, всѣ списки Донесенія не упоминаютъ объ имени Фоскарино[1].

Составитель Relazione не сообщилъ намъ своего имени, и трудно сказать, кто онъ былъ. Пребываніе его въ Россіи относится къ 1553, или, вѣрнѣе, къ 1557 году. Валличелліевскій и Лондонскій[2] списки показываютъ, что во время посѣщенія авторомъ Москвы Иванъ Васильевичъ (род. 1530 г.) имѣлъ отъ роду 23 года, а Ватиканскій—27 лѣтъ. Послѣдняя цифра представляется намъ болѣе правильною, потому что авторъ Relazione говоритъ о войнѣ Іоанна IV съ крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, а она началась лишь въ 1555 г. Далѣе мы узнаемъ, что составитель Донесенія былъ венеціанецъ, и что до своего путешествія въ Московію онъ посѣтилъ Нормандію[3] и, можно думать, Норвегію[4]. Въ Россію онъ пріѣзжалъ съ предложеніемъ проложить для индійской торговли пряностями новый путь черезъ Астрахань и Москву въ Венецію; царь Иванъ Васильевичъ, повидимому, благосклонно отнесся къ его намѣренію

---

[1] Въ 1878 г. Р. И. Минцлофъ сдѣлалъ Археографической Коммиссіи сообщеніе, что въ Римѣ ему удалось ознакомиться еще съ однимъ спискомъ „превосходной реляціи Фоскарино“ Списокъ этотъ (Biblioth. Casanat. X. VI 25) представляетъ нѣкоторыя разности противъ текста, изданнаго г. Тургеневымъ; онъ озаглавленъ „Relazione del Regno di Moscowia“ и не носитъ имени автора (Лѣтопись занятій Археограф. Ком., VIII, проток. отъ 25 авг. 1878 г., стр. 21).

[2] (Аделунгъ, Ф.). „Отрывокъ изъ итальянскаго сказанія о Россіи въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія“ (Сѣверная Пчела, 1840, № 98).

[3] „Jo già in Normandia ne veddi uno“ (Hist. Russiae Monim., I, 155—156).

[4] „Jo ne viddi uno preso vivo, e condotto in Orbeggia (Norvegia)“ (ibid., 156). „In questa isola (Scelandia) vi è la città di Cobena stanza reale, e lontana da Norvergia *per navigazione di un giorno*“ (ibid., 155).

и охотно принялъ это предложеніе. Авторъ сообщаетъ, будто государь еще прежде назначилъ богатую награду тому, кто откроетъ новый торговый путь изъ Индіи въ Московію: онъ желалъ увеличить тѣмъ доходы своей казны и доставить подданнымъ возможность покупать любимыя ими пряности по сходной цѣнѣ[1]. Авторъ иногда удостоивался Иваномъ Васильевичемъ бесѣды[2] и, кажется, находился у него на службѣ, потому что вездѣ называетъ его *нашимъ*[3], хотя и пробылъ въ Россіи очень недолго[4].

Составитель Relazione, подобно древнимъ лѣтописцамъ, начинаетъ свое повѣствованіе издалека: не приступая еще къ описанію Россіи и желая показать, что все, сказанное имъ, возможно, онъ считаетъ нелишнимъ привести объ этомъ мірѣ мнѣнія различныхъ философовъ и ученыхъ. Разнообразіе и несогласованность подобныхъ мнѣній говорятъ, какъ думаетъ авторъ, лишь за правдоподобіе и справедливость его собственныхъ извѣстій. Вслѣдъ за описаніемъ климатическихъ поясовъ онъ начинаетъ свой разсказъ о Россіи съ географическаго и этнографическаго ея обзора. Высказавъ собственную гипотезу о происхожденіи москвитянъ, авторъ переходитъ къ подробному описанію Москвы, Новгорода, Владиміра, Волжской рѣчной системы и ея бассейна. Затѣмъ онъ говоритъ о флорѣ и фаунѣ Московіи, объ ископаемыхъ богатствахъ ея, наружности москвитянъ и отношеніи ихъ къ своимъ женамъ и вообще женщинамъ, объ языкѣ, образѣ жизни и охотѣ, производствѣ хмельныхъ и прохладительныхъ напитковъ, наконецъ, о свадебныхъ обычаяхъ. Особенно подробно авторъ останавливается на религіи и обрядахъ москвитянъ, указывая на отличія и разногласія ихъ съ Католическою церковью; говоритъ о духовенствѣ и монашествѣ, постахъ, погребальныхъ обычаяхъ, богослужебныхъ и свѣтскихъ книгахъ, о врачебномъ дѣлѣ и лѣтосчисленіи. Далѣе онъ переходитъ къ изображенію наружности и характера царя Ивана Васильевича и описанію подвластныхъ ему народовъ, войнъ и мѣропріятій, направлен-

---

[1] „Onde Juan nostro Imperatore per far tal effetto (tali effette), ha proposto premj grandissimi, sperando, aprendosi la via, far un corsivo viaggio mediante il quale grandemente crescerà (cresceriano) gli datj e gabelle; che oltre che piccolo prezzo gli suoi Moscoviti si accomodaranno di spetie (spetiarie), che gran quantità ne consumano“ (ibid., 157).

[2] Напр.: „Questa cosa hà dato a me tanto crucio (rincrescimento) che hò voluto morire di affanno; quasi l' istesso ha sentito questo nostro Imperatore... Onde *io hò affermato al detto nostro Imperatore* questa cosa essere impossibile... e *perciò* esso nostro Imperatore a posta hà mandato messi per haverne la certezza“ (ibid., 157).

[3] Напр.: „Questo *nostro* Duca et gran Imperatore è nomato Givanni di Basilio“ (ibid., 151). „Questo *nostro* Imperatore con tutti domesticamente conversa e prattica...“ (152). „Hora Ivan *nostro* Imperatore per il legger di molte istorie Romane et altre, della quali è molto studioso...“ (153) и т. д., и т. д.

[4] „Jo ho veduto *in questo poco tempo, che di qui mi troro,* due eserciti di cavalli, cento mila per uno“... (Ibid., 153).

ныхъ къ охраненію и расширенію границъ Московскаго государства. Упомянувъ вкратцѣ о войнѣ Василія III съ Сигизмундомъ I Польскимъ, авторъ приводитъ полный титулъ московскаго государя и говоритъ о законахъ, судебныхъ обычаяхъ и наказаніяхъ, объ образѣ жизни Ивана Васильевича, его дворѣ и караульной службѣ по улицамъ Москвы, о занятіяхъ молодежи и азартныхъ играхъ. Авторъ подробно разсказываетъ о старинныхъ военныхъ обычаяхъ москвитянъ и о военныхъ нововведеніяхъ молодого царя. Затѣмъ онъ перечисляетъ народы, живущіе на границахъ Московіи и въ предѣлахъ самаго государства, и заключаетъ этотъ отдѣлъ разсказами о баснословныхъ Пигмеяхъ, людяхъ-чудовищахъ и Сетрипонахъ. Далѣе авторъ описываетъ новый путь въ Индію, даетъ общій обзоръ современнаго ему политическаго состоянія Европы и Азіи и характеризуетъ положеніе Московіи въ событіяхъ международной жизни того времени. Наконецъ, онъ сообщаетъ весьма любопытное извѣстіе о новой религіи, которую въ то время проповѣдовалъ въ Азіи Тигранъ, увлекшій за собою множество послѣдователей.

Основаніемъ космографіи, какъ называли въ XVI в. географію, служили произведенія географовъ классической древности, изученіе которой начинается съ эпохи Возрожденія. Произведенія эти, благодаря книгопечатанію, въ XVI в. сдѣлались великимъ авторитетомъ и въ школахъ, и въ ученой литературѣ, и среди образованныхъ людей. Изъ сочиненій географовъ древняго міра особенное значеніе въ то время имѣла географія Птолемея; за нею слѣдовали произведенія Страбона, Плинія, Помпонія Мелы и др. Классическая географія способствовала какъ установленію общихъ и болѣе точныхъ пріемовъ въ изученіи, такъ и усвоенію географической номенклатуры, названія которой, утративъ къ этому времени живой смыслъ, нерѣдко давали поводъ къ возникновенію невѣрныхъ представленій. Изъ древней географіи заимствовали не одни только названія, но и опредѣленія границъ между Европой и Азіей, равно какъ свѣдѣнія о видахъ земной поверхности и баснословныя извѣстія о нѣкоторыхъ народахъ. Ко всѣмъ этимъ даннымъ ученые географы XVI в. относились съ полнымъ довѣріемъ. Павелъ Іовій, напр., полагалъ, что Птолемей подъ своими Модоками разумѣлъ москвитянъ и что татары въ древности назывались Амаксобіями. Баснословное извѣстіе о существованіи на р. Донѣ жертвенниковъ Александра Вел. Іовій считалъ несомнѣннымъ на томъ лишь основаніи, что ихъ признавалъ и Птолемей. По той же причинѣ Іовій вѣрилъ и въ Пигмеевъ. Несмотря на это, ученые и путешественники XV и первой половины XVI в., собиравшіе свѣдѣнія о восточной Европѣ, признавали, что древнія извѣстія о ней весьма скудны, а многія изъ нихъ прямо недостовѣрны[1]. Такъ, Альбертъ Компензе въ своемъ „Письмѣ къ папѣ Клименту VII о дѣлахъ Московіи“ (1523 или 1524 гг.) не можетъ надивиться

[1] Замысловскій, Е. Е. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. СПБ., 1884. Стр. 64—70.

„дерзости“ древнихъ географовъ, которые „безъ стыда и совѣсти разсказываютъ невѣроятныя вещи о Рифейскихъ и Гиперборейскихъ горахъ“, тогда какъ „все это столько же справедливо, какъ и то, что повѣствуютъ они объ обѣихъ Сарматіяхъ и вообще о странахъ сѣверныхъ“ [1]. Эти „прославленныя древними горы“ считаетъ „сказкою“ и П. Іовій [2], который сознается, что восточная Европа была вообще „весьма мало“ извѣстна Плинію, Страбону и Птолемею [3].

По мѣрѣ расширенія области географическихъ знаній, естественно являлась настоятельная необходимость въ сводѣ этихъ знаній, въ общихъ описаніяхъ земной поверхности и жизни народовъ, на ней обитающихъ. Ученые XVI в. не остановились и предъ этой смѣлою попыткой и обогатили географическую литературу своего времени нѣсколькими подобными описаніями, извѣстными подъ именемъ космографій. Наиболѣе распространенною изъ нихъ была космографія Себастіана Мюнстера (1544 г.), представлявшая собою полный сводъ историко-географическихъ и біологическихъ свѣдѣній объ извѣстныхъ въ то время европейскихъ и внѣевропейскихъ странахъ [4]. Несмотря на это, землевѣдѣніе въ XVI в. еще продолжало находиться въ начальномъ періодѣ своего развитія. Правда, область его чрезвычайно расширилась, но отъ исторіи оно не отдѣлялось никакими ясными гранями; задачи его понимались исключительно съ одной только внѣшней стороны, а само оно было сводомъ данныхъ, не подвергнутыхъ критикѣ и обыкновенно располагаемыхъ въ извѣстномъ порядкѣ по внѣшней связи ихъ между собою [5].

Съ Герберштейна начинается новая эпоха въ исторіи землевѣдѣнія. Онъ, первый изъ иностранцевъ, писавшихъ о восточной Европѣ и въ частности о Россіи, понялъ необходимость пользованія русскими источниками и употребленія въ географической номенклатурѣ туземныхъ словъ для разныхъ названій, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, платя дань своему вѣку, и предпочиталъ устарѣлыя имена, заимствованныя изъ сочиненій древнихъ географовъ.

Обращаясь теперь къ личности нашего путешественника, какъ составителя „Донесенія о Московіи“, мы не можемъ не отмѣтить отсталости его географическихъ представленій. Въ 1537 г. въ Базелѣ вышло на латинскомъ языкѣ первое изданіе книги Павла Іовія „О Московитскомъ посольствѣ“ [6], а въ 1545 г. въ Венеціи появилось сразу два изданія той же книги

---

[1] Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, подъ ред. В. Семенова. Т. I. СПБ., 1836. Стр. 29.

[2] Ibid., 35.

[3] Ibid., 13.

[4] Замысловскій, op. cit., 71. Ср его же „Описаніе Литвы, Самогитіи, Руссіи и Московіи—Себастіана Мюнстера (XVI вѣка)“,—Ж. М. Н. Пр., 1880, ч. CCXI, стр. 66—88.

[5] Замысловскій, Герберштейнъ..., стр. 71.

[6] Pauli Jovii de legatione Basilii Magni Principis Moscoviae liber, in quo Moscovitarum religio, mores etc. describuntur. Basileae, 1537. In fol.

въ переводѣ на итальянскій языкъ[1]. Въ 1549 г. въ Вѣнѣ вышло первое изданіе „Rerum Moscoviticarum Commentarii“ С. Герберштейна; два года спустя въ Базелѣ было предпринято и окончено второе изданіе того же труда. Итальянскій переводъ сочиненія Герберштейна вышелъ въ Венеціи въ 1550 г.[2] Такимъ образомъ, у нашего автора были всѣ средства для обстоятельнаго ознакомленія съ той страной, куда ему предстояло отправиться. Несмотря на это, въ области географическихъ представленій о восточной Европѣ и въ частности о Московіи онъ слѣдуетъ воззрѣніямъ и номенклатурѣ древнихъ географовъ. Онъ вѣритъ въ существованіе на р. Донѣ жертвенниковъ Александра Вел., Рипейскихъ и Гиперборейскихъ горъ, откуда, по его мнѣнію, вытекаютъ р. р. Ока и Волга; для него несомнѣнно также существованіе Пигмеевъ и другихъ баснословныхъ народовъ; онъ признаетъ дѣленіе р. Танаидомъ (Дономъ) Сарматіи на европейскую и азіатскую, продолжаетъ считать Скандинавію островомъ и раздѣляетъ убѣжденіе прежнихъ географовъ въ томъ, что изъ нея вышли лонгобарды. Географическія названія и собственныя имена подъ перомъ нашего автора дѣлаются часто совершенно неузнаваемыми: кто могъ бы, напр., догадаться, что подъ *Джелоной* (Gelona) или *Голеной* (Golena) скрывается Нижній Новгородъ, подъ татарами *каскарійскими* (Cascarii)—т. казанскіе, а подъ моремъ *Делматскимъ* (mar di Delmatia)—Сарматское или Балтійское море?[3]. Географическій консерватизмъ автора Relazione, послѣ опубликованія замѣчательнаго произведенія Герберштейна, не находитъ себѣ никакого оправданія. Онъ кажется еще менѣе понятнымъ потому, что двѣ трети Relazione представляютъ собою совершенную компиляцію съ „Книги о Московитскомъ посольствѣ“ П. Іовія, хотя послѣдній въ общей своей географической концепціи стоитъ немногимъ ниже Герберштейна.

Заимствуя у Павла Іовія рядъ географическихъ, историческихъ и иныхъ свѣдѣній, нашъ авторъ, по небрежности или же вслѣдствіе собственнаго невѣжества, постоянно искажаетъ ихъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

П. Іовій, со словъ Дмитрія Герасимова, сообщаетъ, что войско москвитянъ сильно возросло отъ притока ливонцевъ и приволжскихъ татаръ[4]; авторъ Relazione, не понявъ, въ чемъ дѣло, говоритъ о *происхожденіи* москвитянъ отъ этихъ народовъ.—По сообщенію Іовія, на видномъ мѣстѣ Москвы находится храмъ въ честь Пресв. Богородицы

---

[1] Operetta della Ambasciera de' Moscoviti, tradotta di latino. In Venegia, 1545. 8⁰.—Relazione dell' Ambasciata spedita da Basilio Gran Duca di Moscovia al Papa Clemente VII. Di Paolo Giovio. Venezia, per Bartolomeo detto l' Imperador, 1545. 12⁰.

[2] Adelung, op. cit., B. I, SS. 188—189, 165—167, 169—170.

[3] Въ этомъ искаженіи именъ отчасти виноваты, вѣроятно, и переписчики Relazione.

[4] См. приложеніе VIII.

(впослѣдствіи Успенскій соборъ), постройку котораго онъ приписываетъ Аристотелю Болонскому (Фіоравенти[1]). Нашъ авторъ почему-то совсѣмъ опускаетъ имя Фіоравенти, называя его „какимъ-то болонскимъ архитекторомъ". Онъ не упоминаетъ и о храмѣ Успенія Пресв. Богородицы, зато приписываетъ Фіоравенти невѣроятный трудъ перестройки всѣхъ московскихъ церквей.—Составитель „Донесенія о Московіи" обнаруживаетъ самое смутное и ошибочное представленіе о Волжской рѣчной системѣ, хотя П. Іовій даетъ намъ совершенно ясное и отчетливое ея описаніе[2]. Географическій консерватизмъ и небрежность нашего автора доходятъ въ данномъ случаѣ прямо до куріоза: онъ раздѣляетъ ошибочное мнѣніе Іовія о томъ, что Волга, Ока и Москва берутъ свое начало изъ „Бѣлыхъ озеръ"; но какъ же быть съ горами Рипейскими и Гиперборейскими, откуда, по представленію древнихъ, вытекаютъ эти рѣки? Авторъ разрѣшаетъ затрудненіе очень просто: Ока и Волга обязаны своимъ происхожденіемъ Гиперборейскимъ горамъ, но онѣ въ то же время вытекаютъ и изъ „Бѣлыхъ озеръ"!—На берегахъ Волги у нашего автора появляется какая-то новая, никому невѣдомая крѣпость Орда или, по другому списку, Флягра. Мѣсто это заимствовано у П. Іовія: подъ Ордой или Флягрой, очевидно, слѣдуетъ разумѣть Казань[3].—О Новгородѣ Іовій сообщаетъ, что городъ этотъ, основанный 400 лѣтъ тому назадъ, еще недавно былъ столицею всей Московіи[4]; авторъ Донесенія говоритъ уже о *недавнемъ основаніи* Новгорода.—Касаясь торговли драгоцѣнными мѣхами, П. Іовій говоритъ, что нѣкогда самыя отдаленныя племена Сѣвера съ великимъ простодушіемъ вымѣнивали дорогіе пушные товары на дешевые и часто смѣшные предметы[5]; у нашего автора отдаленныя племена Сѣвера превращаются въ москвитянъ.—Іовій сообщаетъ намъ о любопытномъ обычаѣ выбора царской невѣсты[6]. Авторъ Relazione, не разобравъ, въ чемъ дѣло, приписываетъ этотъ обычай вообще „знатнымъ людямъ", причемъ рѣзко отдѣляетъ высшіе слои Московской Руси отъ низшихъ: лишь одни послѣдніе, по его словамъ, при заключеніи браковъ соблюдаютъ обряды Греческой церкви, что является уже совсѣмъ невѣрнымъ.—Въ Московской Руси, по сообщенію Павла Іовія, существовалъ любопытный обычай, свидѣтельствующій о глубокомъ благоговѣніи, какое наши предки питали ко храму: мужчинамъ и женщинамъ, запятнавшимъ себя любовными утѣхами, не дозволялось входить въ церковь, если они предварительно не вымоются въ отдѣльныхъ баняхъ; поэтому часто случалось, что такія лица, стоявшія обыкновенно на паперти, подвергались насмѣшкамъ со стороны дерзкой

---

[1] Прил. IX.
[2] Прил. X.
[3] Прил. XI.
[4] Ibid.
[5] Прил. XII.
[6] Прил. XIX.

молодежи[1]. Нашъ авторъ заставляетъ молодыхъ глупцовъ посмѣиваться почему-то надъ священниками.

Слѣдующіе примѣры свидѣтельствуютъ уже о недобросовѣстности автора Relazione. Такъ, характеризуя личность Ивана Васильевича, онъ не задумался усвоить ему такія качества, какими, по словамъ Іовія, обладалъ Василій III[2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прочитавъ въ „Книгѣ о Московитскомъ посольствѣ“ извѣстіе о миѳической побѣдѣ Василія надъ ливонцами[3], онъ рѣшилъ приписать ее и Грозному, хотя Ливонская война началась лишь въ январѣ 1558 г. То же случилось и съ Василь-Сурскомъ, основаннымъ Василіемъ III[4]: нашъ авторъ приписываетъ его основаніе Грозному. Наконецъ, онъ много говоритъ о чрезвычайныхъ трудахъ, будто бы понесенныхъ имъ при отысканіи новаго торговаго пути въ Индію, хотя труды эти не шли дальше списыванія съ Павла Іовія.

Несмотря на все это, Донесеніе нашего автора представляетъ значительный интересъ со стороны тѣхъ извѣстій, которыя являются плодомъ его собственной наблюдательности или разспросовъ людей свѣдущихъ. Къ разряду такихъ извѣстій слѣдуетъ отнести сообщенія: объ азартныхъ играхъ, старинныхъ военныхъ обычаяхъ москвитянъ и военныхъ нововведеніяхъ Грознаго, Мигаретѣ Монгарскомъ и литовцахъ, объ отношеніи царя Ивана Васильевича къ новооткрытому пути въ Индію, о современномъ автору Relazione политическомъ состояніи Европы и Азіи и международномъ положеніи Московіи, наконецъ, о Тиграпѣ и его религіи.

Донесенію неизвѣстнаго венеціанца—путешественника долгое время удѣляли слишкомъ мало вниманія: достаточно сказать, что до сихъ поръ не было ни полнаго, ни частичнаго перевода его на русскій языкъ. Въ 1840 г., т. е. за годъ до появленія въ свѣтъ I т. „Historica Russiae Monumenta“ А. И. Тургенева, въ № 98 „Сѣверной Пчелы“ была напечатана небольшая статья подъ заглавіемъ—„Отрывокъ изъ итальянскаго сказанія о Россіи въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія“. Статья эта представляетъ собою краткое изложеніе содержанія Relazione. Авторъ ея, Фр. Аделунгъ, хорошо знакомъ съ Валличелліевскимъ и Лондонскимъ списками Донесенія, на одинъ изъ которыхъ онъ постоянно дѣлаетъ текстуальныя ссылки. Онъ кратко характеризуетъ личность составителя Relazione, и отмѣчаетъ отсталость его географическихъ представленій. Въ заключеніе Фр. Аделунгъ сообщаетъ, что въ непродолжительномъ времени Донесеніе будетъ напечатано въ сборникѣ неизданныхъ повѣствованій иностранцевъ о древней Россіи.

Въ 1846 г. вышелъ капитальный трудъ Фр. Аделунга „Kritisch-Literarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind“ (St. P-burg u. Leipzig) въ двухъ частяхъ. Въ I ч. подъ № 41

---

[1] Прил. XX

[2] Прил. XXIII и XXXII.

[3] Прил. XXIII.

[4] Прил. XXVIII.

(стр. 194—200) авторъ говоритъ о составителѣ Relazione почти дословно то же самое, что̀ имъ было напечатано уже шесть лѣтъ тому назадъ въ „Сѣверной Пчелѣ“. Въ 1864 г. трудъ Фр. Аделунга былъ изданъ Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ въ русскомъ переводѣ А. Клеванова. Переводъ мѣстами весьма тяжелый и иногда искажаетъ смыслъ подлинника.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ I т. своей „Русской Исторіи“ (СПБ., 1872) удѣляетъ нѣсколько строкъ „венеціанскому послу Марко Фоскарини, бывшему въ Россіи въ 1557 г. (sic); ему приписывается замѣчательный разсказъ о его посольствѣ, чрезвычайно благосклонный къ Россіи и царю Іоанну Грозному“ [1]. Въ примѣчаніи (79) къ этимъ строкамъ почтенный историкъ говоритъ: „Аделунгъ (I, 186), указывая на Фоскарини, тогда еще не напечатаннаго, въ другомъ мѣстѣ говоритъ о неизвѣстномъ сочинителѣ Relazione dell' imperio di Moscovia; а по сличенію его отрывка оказывается, что именно это донесеніе и есть донесеніе, приписываемое Фоскарини“. Замѣчаніе это слишкомъ кратко и бездоказательно, чтобы поколебать наше собственное заключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ сличалъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: самый ли текстъ донесеній или только ихъ заглавія? Копія донесенія Фоскарино *на латинскомъ языкѣ*, приготовленная Аделунгомъ къ печати, хранится, вѣроятно, въ оставшихся послѣ него бумагахъ, и было бы дѣйствительно необходимо сличить ее съ итальянскимъ текстомъ Relazione. Что же касается сличенія заглавій обоихъ донесеній, то объ этомъ мы уже говорили выше.

Наконецъ, въ № 6 „Университетскихъ Извѣстій“ за 1889 г. была напечатана замѣтка А. Ясинскаго, подъ заглавіемъ „Донесеніе о Московіи Марка Фоскарини“. Подъ этимъ донесеніемъ авторъ, слѣдуя К. Н. Бестужеву-Рюмину, разумѣетъ Relazione, впервые напечатанное г. Тургеневымъ, и приписываетъ его венеціанскому послу Фоскарино, бывшему въ Россіи, „какъ полагаютъ, въ 1557 г.“ Донесеніе, по мнѣнію А. Ясинскаго, не можетъ быть названо „замѣчательнымъ разсказомъ“ и включаемо въ число источниковъ Русской исторіи, представляя собою довольно безцеремонную передѣлку сочиненія П. Іовія „De Legatione Basilii“ [2].

Компилятивный характеръ Relazione авторъ замѣтки подтверждаетъ сопоставленіемъ отдѣльныхъ мѣстъ Донесенія съ сочиненіемъ Іовія, подлинный текстъ котораго напечатанъ въ I т. сборника Старчевскаго „Scriptores Exteri“. У обоихъ писателей одно и то же введеніе; въ описаніи города Москвы сходство замѣчается не только въ содержаніи и послѣдовательности, но и въ стилистической формѣ изложенія; авторъ Relazione, не довольствуясь простымъ переводомъ или перефразировкой Іовія, имѣетъ смѣлость подвергать свой оригиналъ нѣкоторой передѣлкѣ, переставляя отдѣльныя части изложенія въ другую связь и вставляя имя Іоанна IV тамъ, гдѣ было имя его отца. Вслѣдствіе этого, по мнѣнію А. Ясинскаго,

---

[1] Стр. 182.

[2] Стр. 37—38.

оказываются слѣдующія несообразности: 1) Іоаннъ, по словамъ автора, красивый мужщина 27 лѣтъ; 2) онъ воевалъ съ ливонцами, которые были въ союзѣ съ 72 ганзейскими городами; 3) онъ разбилъ вогуличей и велъ войну съ югрою, народомъ самымъ могущественнымъ, по словамъ автора, среди татаръ; 4) казанскіе татары находятся въ вассальной зависимости отъ московскаго царя, считая его своимъ патрономъ и сеньоромъ,—въ 170 миляхъ отъ Казани, на пустынномъ мѣстѣ, Іоаннъ основалъ, въ защиту отъ кочевыхъ татаръ, какую-то крѣпость Saricto; 5) крымскіе татары уже давно, по словамъ Фоскарино, находились въ зависимости отъ великаго князя московскаго, но возмутились и избрали себѣ государя, дочь котораго замужемъ за Селимомъ, султаномъ турецкимъ[1].

Всѣ эти несообразности, говоритъ А. Ясинскій, произошли оттого, что Фоскарино вздумалъ изъ отдѣльныхъ кусочковъ изложенія Іовія о Василіи слѣпить связный разсказъ объ Іоаннѣ. Авторъ приводитъ далѣе текстуально семь параллелей изъ Relazione и „De Legatione Basilii“ и указываетъ на соотвѣтствіе страницъ Фоскарино (по сборнику Тургенева) и Павла Іовія (по изданію Старчевскаго)[2].

Не возвращаясь къ вопросу о принадлежности „Донесенія о Московіи“ венеціанскому послу Фоскарино, о чемъ мы подробно уже говорили, остановимся лишь на тѣхъ несообразностяхъ, которыя, по мнѣнію А. Ясинскаго, произошли отъ искаженія составителемъ Relazione первоначальнаго текста Іовія.

Молодой 27-лѣтній Іоаннъ, разсказываетъ авторъ-очевидецъ, былъ красивымъ мужчиною; но въ этомъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ ничего ни страннаго, ни несообразнаго. Ко времени пріѣзда венеціанца-автора въ Москву Ивану Васильевичу было, дѣйствительно, 27 лѣтъ.

По сообщенію составителя Донесенія, Іоаннъ IV разбилъ вогуличей и велъ продолжительную войну съ югрою, тогда какъ Іовій нигдѣ не говоритъ о войнѣ Василія III съ этими народами. Что же касается „жителей Перміи и Печоры“, среди которыхъ несомнѣнно были и вогуличи, и югра[3], то о нихъ Іовій сообщаетъ только, что прежде они были язычниками, а „*теперь* чтутъ Господа Христа“[4].—Походы русскихъ при Іоаннѣ III на югру и вогуличей начинаются съ 1483 г. и заканчиваются ихъ покореніемъ въ 1499 г. Несмотря на это, власть московскихъ государей въ Югріи и Пермской области колеблется въ теченіе всей первой половины XVI в. Опустошительные набѣги вогуличей и татаръ на подчиненныхъ Москвѣ пермяковъ и на жившихъ среди нихъ русскихъ продолжаются. За время царствованія Іоанна IV было пять такихъ набѣговъ: въ 1539, 1547, 1572, 1573 и 1581 гг. И московское правительство, и Стро-

---

[1] Op. cit., 38, 39, 40—41.

[2] Ibid., 41—43 и прим 1.

[3] См. ниже, прим. 85.

[4] См. прилож. XXV.

гановы, получившіе грамоты „на мѣста пустыя“ по Камѣ и Чусовой, въ цѣляхъ огражденія общей безопасности коренного и пришлаго населенія этихъ областей, должны были вести упорную борьбу съ воинственными туземцами Зауралья—татарами, югрою и вогуличами. Такимъ образомъ, сообщеніе неизвѣстнаго автора Relazione о войнѣ Іоанна IV съ вогуличами и югрою не является вымысломъ и можетъ быть принято исторической наукою, какъ дѣйствительный фактъ.

Говоря, со словъ Дмитрія Герасимова, о вассальной зависимости казанскихъ татаръ отъ московскихъ государей, П. Іовій, какъ извѣстно, указывалъ лишь на реальное соотношеніе обѣихъ политическихъ силъ. Нимало не погрѣшилъ противъ истины и авторъ Relazione, приписавъ Іоанну IV славу покоренія Казанскаго царства, потому что ко времени прибытія нашего венеціанца въ Москву (1557 г.) присоединеніе этого татарскаго улуса къ Россіи было уже совершившимся фактомъ и москвитяне на самомъ дѣлѣ стали „господами и покровителями“ казанцевъ.

Всѣ остальныя несообразности, отмѣченныя А. Ясинскимъ, должны быть дѣйствительно поставлены въ вину составителю Донесенія, на что мы и указывали выше. Но мы не можемъ безъ существенныхъ оговорокъ принять заключеніе о Relazione самого А. Ясинскаго: „Донесеніе о Московіи“, правда, въ большей своей части представляетъ компиляцію изъ „Книги о Московитскомъ посольствѣ“ П. Іовія; но оно можетъ считаться источникомъ Русской исторіи со стороны тѣхъ извѣстій, которыя явились плодомъ наблюдательности его автора или разспросовъ имъ свѣдущихъ лицъ.

Этимъ, кажется, и исчерпывается все, что появлялось въ нашей исторической литературѣ о Фоскарино и неизвѣстномъ авторѣ Relazione.

Что касается самаго перевода Донесенія, то мы не позволяли себѣ дѣлать никакихъ произвольныхъ пропусковъ и старались передать подлинникъ почти дословно, отступая отъ него только въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялось положительно невозможнымъ согласовать обороты итальянской рѣчи съ оборотами русской. Слова и выраженія, не находящіяся въ подлинникѣ, но вызванныя требованіемъ ясности и необходимой полноты русскаго текста, мы заключали въ квадратныя скобки. Хотя такая точность перевода и служила иногда въ ущербъ гладкости и вообще отдѣлкѣ слога, однако, необходимо было соблюдать ее, потому что при переводѣ историческихъ памятниковъ главнымъ и непремѣннымъ условіемъ слѣдуетъ считать наивозможно бо́льшую близость перевода къ подлиннику. Въ виду большей попорченности текста Ватиканскаго списка Relazione по сравненію съ Валличелліевскимъ, мы весьма часто отдавали предпочтеніе варіантамъ послѣдняго; особенно это слѣдуетъ сказать относительно собственныхъ именъ и географическихъ терминовъ.

Текстъ перевода снабженъ, гдѣ это казалось нужнымъ и возможнымъ, пояснительными примѣчаніями. Въ приложеніяхъ помѣщены всѣ извѣстія, которыя авторъ Донесенія заимствовалъ изъ „Книги о Московитскомъ посольствѣ“ Павла Іовія. Мы цитировали ихъ по новому переводу А. І. Малеина, какъ наиболѣе точному[1], хотя каждая такая выдержка изъ Іовія, для удобства, снабжена ссылкой и на старый переводъ М. Михайловскаго[2].

Вл. Огородниковъ.

---

[1] Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ. Записки о Московитскихъ дѣлахъ.— Павелъ Іовій Новокомскій. Книга о Московитскомъ посольствѣ. Изд. А. С. Суворина. СПБ., 1908.

[2] Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, подъ ред. В. Семенова. Т. I. СПБ. 1836.

Дополненія и поправки.

Мое предисловіе къ переводу Донесенія о Московіи было уже напечатано, когда я получилъ счастливую возможность ознакомить Е. Ф. Шмурло съ тѣми выводами, къ которымъ мнѣ удалось придти по вопросу объ авторѣ и времени составленія Relazione. Е. Ф. любезно сообщилъ мнѣ на это нѣсколько своихъ цѣнныхъ замѣчаній, которыя я, съ глубокой признательностью къ нему, и позволяю себѣ привести здѣсь въ качествѣ дополненія къ тому, что было мною высказано выше.

Латинскій заголовокъ Донесенія о Московіи („Narratio historica de Moschovitico Imperio a Foscarino oratore Veneto facta") былъ составленъ префектомъ Тайнаго Ватиканскаго Архива, гр. Марино Марини; итальянскій же („Discorso della Moscovia di Marco Foscarino, almeno attributo a lui") принадлежитъ или самому автору Relazione, или тому лицу, которое писало Ватиканскій списокъ Донесенія, послужившій потомъ оригиналомъ для позднѣйшихъ копій. Гр. Марини, снявъ копію съ Донесенія, списалъ вмѣстѣ съ нимъ и его итальянское заглавіе; но въ перечнѣ копій, которыя онъ посылалъ русскому правительству[1], Relazione было обозначено по-латыни, такъ какъ весь перечень былъ составленъ на латинскомъ языкѣ. Очень возможно, впрочемъ, полагаетъ далѣе Е. Ф. Шмурло, что гр. Марини и не давалъ никакого *заголовка*, т. е. никакихъ опредѣленій и названій на латинскомъ языкѣ онъ не ставилъ на самой копіи, но обозначилъ ее въ своемъ перечнѣ по-латыни, а Археографическая Коммиссія ошибочно и проставила этотъ латинскій заголовокъ.

Маркъ Фоскарино, по заявленію Фр. Аделунга[2], былъ отправленъ Венеціанскимъ сенатомъ въ Москву въ 1537 г. Однако для подобнаго

---

[1] Перечень этотъ, составленный гр. Марини въ 1835—1840 гг., носитъ заглавіе: „Codex diplomaticus Rutheno-Moscoviticus, monumentis et tabulariis Vaticanis depromptis congestus curante Marino ex comitibus Marini, eorumdem tabulariorum praefecto. 1835". Посланное, болѣе 400 копій съ разныхъ документовъ, напечатано въ I и II томахъ „Historica Russiae Monimenta" (Россія и Италія. Сборникъ историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій, касающихся сношеній Россіи съ Италіей. Изд. Импер. Академіи Наукъ. Т. I, вып. 1, СПБ. 1907, стр. 39). *В. О.*

[2] Op. cit., B. I, S. 186. *В. О.*

утвержденія, по мнѣнію Е. Ф. Шмурло, у Аделунга едва-ли имѣлись какія-либо фактическія основанія. Въ самомъ дѣлѣ, изъ области дипломатическихъ сношеній Венеціанской республики съ Московскимъ государствомъ въ XVI в. (до посольства Шевригина) до сихъ поръ оказывается пока возможнымъ отмѣтить всего лишь одно письмо Сената къ царю Ивану Васильевичу въ маѣ 1570 г., да и то есть основаніе полагать, что письмо это не дошло по своему назначенію. Но откуда же могъ появиться у Фр. Аделунга *1537* годъ?

Е. Ф. Шмурло объясняетъ происхожденіе этой даты слѣдующимъ образомъ.

Какъ извѣстно, трудъ Аделунга „Kritisch Literäriche Uebersicht“ вышелъ въ свѣтъ уже послѣ смерти автора (ум. 18 янв. 1843 г.) и изданъ былъ его сыномъ. Несомнѣнно, что бо́льшая часть книги составлена изслѣдователемъ еще въ 1830-хъ годахъ, т. е. задолго до напечатанія I тома „Historica Russiae Monimenta“. Съ матеріалами Ватиканскаго архива Аделунгъ былъ знакомъ, главнымъ образомъ, по спискамъ Альдобрандини[1] и гр. Марини, послужившимъ впослѣдствіи основаніемъ для двухъ томовъ „Monimenta“. Весьма возможно, что среди этихъ списковъ онъ видѣлъ *и* Discorso Фоскарино, *и* Relazione неизвѣстнаго автора[2]; но что̀ понималъ онъ подъ тѣмъ и другимъ, въ настоящее время, безъ знакомства съ самыми копіями, бывшими у него въ рукахъ, рѣшить едва-ли возможно. Наличный матеріалъ, имѣющійся теперь въ Римѣ, для этого слишкомъ недостаточенъ, тѣмъ болѣе что списокъ Relazione, хранившійся въ библіотекѣ Валличелли, утерянъ уже съ давнихъ поръ, и въ сборникѣ, гдѣ онъ помѣщался, сохранилось лишь обозначеніе статьи въ общемъ оглавленіи кодекса (это именно то, что̀ у Аделунга I, 194 помѣщено, какъ „Relazione degli grandissimi stati, richezze, forze...“ и т. д.[3]). Поэтому Е. Ф. Шмурло допускаетъ такую ошибку со стороны Аделунга: онъ имѣлъ подъ руками Альдобрандиніевскій текстъ Relazione по Валличелліевскому списку съ только что приведеннымъ заглавіемъ и, кромѣ того, списокъ Ватиканскій, извлеченный изъ 87 тома „Varia Politicorum“[4]. Позднѣе Археографическая Коммиссія разобралась въ этихъ спискахъ и признала, что это одно и то же сочиненіе: Ватиканскій списокъ она приняла за основу издаваемаго ею текста Relazione, Валличелліевскимъ же воспользовалась для разночтеній.

---

[1] Въ библіотекѣ Валличелли въ Римѣ. *В. О.*

[2] Ср. заявленіе самого Аделунга въ 1840 г. (op. cit., B. I, S. X). *В. О.*

[3] См. выше, стр. Ш. *В. О.*

[4] Такъ называется особая группа дипломатическихъ матеріаловъ (въ 177 тт.) изъ фонда Miscellanea, входящаго въ составъ архива Государственнаго секретаріата въ Ватиканѣ. Въ „Politicorum“ содержатся инструкціи дипломатическимъ агентамъ, донесенія нунціевъ, такъ наз. relazioni венеціанскихъ посланниковъ по ихъ возвращеніи съ посольства, буллы и бреве, союзные и мирные договоры, протоколы сеймовъ, декреты государей, разныя историческія сочиненія и т. п. (Россія и Италія, I—1, 87). *В. О.*

Какимъ же образомъ Фр. Аделунгъ допустилъ подобную ошибку?

Въ рукописи „Politicorum“ стоитъ помѣта (другою рукою): *1537*. Но третья цифра этой даты написана такъ неясно, что, въ сущности, одинаково удобно читать и *1537*, и *1557*. Весьма возможно, что гр. Марини прочиталъ *1537* и выставилъ этотъ годъ на копіи, отправленной имъ въ Петербургъ. Равнымъ образомъ, *такъ* могъ прочитать эту дату и тотъ, кто нашелъ сходство между Relazione и „Книгой о Московитскомъ посольствѣ“ Павла Іовія, впервые изданной именно въ 1537 году. Наконецъ, это могло быть и *1557*, т. е. годъ составленія Донесенія.

Что касается самаго имени Фоскарино, то въ „Politicorum“, по словамъ Е. Ф. Шмурло, его нѣтъ; а такъ какъ Валличелліевскій списокъ приписывается Аделунгомъ *неизвѣстному* автору, то надо думать, что имя составителя не было показано и на немъ. Списокъ библіотеки Casanatense, въ оглавленіи сборника X. VI. 25, обозначаетъ Донесеніе слѣдующимъ образомъ: „Relazione della Moscovia al tempo del czar Giovanni di Vasilio (del sudetto tempo). Ma chi siane l' Autore non c'è“. („Донесеніе о Московіи времени царя Ивана Васильевича (вышесказаннаго времени). Но кто былъ авторомъ этого, не указано“)[1]. Послѣдніе слѣды въ поискахъ имени Фоскарино останавливаются, по мнѣнію Е. Ф. Шмурло, на гр. Марини, и трудно сказать, въ какомъ направленіи далѣе слѣдуетъ вести эти поиски.

Въ заключеніе прошу исправить слѣдующіе досадные пропуски и погрѣшности, вкравшіеся при печатаніи въ предисловіе и въ переводъ Донесенія о Московіи.

На стр. III, въ 9 строкѣ снизу, послѣ слова „несмотря“ нужно вставить—даже.

На стр. 1, въ 8 строкѣ сверху, послѣ слова „происходящихъ“ вставить—тамъ.

На стр. 5, въ 20 строкѣ сверху, вм. „царя Аттилы“ слѣдуетъ читать—царя Тотилы.

На стр. 6, въ 1—2 строкахъ снизу, послѣ словъ „въ Азовское море“ нужно вычеркнуть заключенное въ скобкахъ—(древн. Бѣлая Вѣжа, Саркелъ).

На стр. 22, въ 15 строкѣ сверху и въ 11-ой снизу, вм. „300.000“ слѣдуетъ читать—30.000.

В. О.

---

[1] Р. И. Минцлофъ даетъ, очевидно, другой варіантъ этого заголовка, безъ важныхъ въ данномъ случаѣ словъ—„Ma chi siane...“ (см. выше, стр. V, пр. 1). *В. О.*

Прежде, чѣмъ описывать дѣла великаго Государства Московскаго, я скажу сначала о положеніи его, потомъ о многочисленныхъ областяхъ, въ которыхъ царствуетъ и управляетъ этотъ великій Императоръ и Князь и которыя были не такъ хорошо извѣстны Плинію, Страбону и Птолемею. Затѣмъ скажу объ обычаяхъ, богатствахъ, религіи, о состояніи военнаго искусства встарину и теперь, и сдѣлаю это, подражая Тациту, который написалъ исторію Германцевъ и составилъ объ этомъ небольшое сочиненіе[1]. Я разскажу о чудесахъ и ужасахъ, происходящихъ и, наконецъ, присоединю [сюда] краткое разсужденіе о томъ, какъ, на зло Испанцамъ и Португальцамъ, вернуть торговлю пряностями въ руки Итальянцевъ. Дѣло это, какъ наиважнѣйшее, я всѣми силами постараюсь также устроить, чтобы, когда оно перейдетъ отъ Испанцевъ и Португальцевъ, легче можно было передать его въ руки нашихъ Правителей (Signori). Но прежде, чѣмъ говорить обо всемъ вышеупомянутомъ, мнѣ представляется умѣстнымъ въ немногихъ словахъ представить [здѣсь] мнѣнія людей объ этомъ мірѣ, которыя, будучи объяснены, могли бы привести къ заключенію о возможности того, что̀ я говорю.

Есть мнѣніе—и, кажется, [это] мнѣніе величайшихъ философовъ,—что существовали многіе міры. Димитрій, Эпикуръ, Анаксимандръ (Alixamandro; Anassandro), Левкиппъ (Eleucipo; Leucippo) и другіе полагали, что всѣ вещи произошли и создались изъ томовъ и атомовъ (Thomo et Athomis), т. е. нѣкоторыхъ частицъ, [наполнявшихъ] пустоту (niente), подобно тѣмъ, которыя, какъ утверждали, мы видимъ двигающимися въ лучахъ солнца; что были многіе міры и, подобно тому, какъ изъ веревокъ (vinti; venti) и многихъ [печатныхъ] листовъ составляется несмѣтное количество книгъ, такъ и изъ тѣхъ безконечно малыхъ атомовъ и мельчайшихъ частицъ произошли многіе и разнообразные міры. [Философы] эти утверждали, полагая, что все было безконечно; такимъ образомъ, Митродору представлялось страннымъ и несообразнымъ считать въ этой безконечности болѣе одного міра. Орфей полагалъ, что каждая звѣзда была нѣкогда отдѣльнымъ міромъ, какъ писалъ въ своей Философской исторіи [и] Галенъ; то же самое, по словамъ Ѳеодорита, говорилъ о матеріи и мірѣ Гераклитъ и другіе пиѳагорейцы. Философъ Селевкъ, не соглашаясь, по словамъ Плутарха, говоритъ о существованіи безконечныхъ міровъ, прибавляетъ, что міръ былъ безконеченъ; точно такъ же думалъ и Плиній, а именно, что нѣкогда были безконечные міры,—оттого-то и поя-

[1] См. прил. I.

вляется желаніе измѣрить міръ ногами. Отъ этого мнѣнія философовъ ведетъ свое начало пословица—когда въ томъ или другомъ предметѣ находятъ что-нибудь новое, то [обыкновенно] говорятъ: „кажется, мы въ какомъ-то иномъ мірѣ“. Св. Августинъ говоритъ: „обращусь своею суетною мыслью къ безконечнымъ еретическимъ мірамъ“. Кальвинисты и еретики офіиты (ophios; olfios) утверждали, что существуетъ 19.000 міровъ; другіе (altri)[2] говорили о семи мірахъ. Оригенъ и Климентъ, ученикъ апостольскій, въ своихъ посланіяхъ говорятъ, что другіе міры управляются Божественнымъ Промысломъ, что этотъ [земной] міръ, который они такъ тщеславно считаютъ единственнымъ, состоящимъ изъ различныхъ частей, острововъ и морей, есть круглый, а не плоскій, и имѣетъ шарообразную форму (ha 'la volta rotonda); что вокругъ него съ невѣроятною быстротой движется солнце (gli da in ogni banda); такъ что, вслѣдствіе необходимости быть круглымъ, міръ имѣетъ круглыми и всѣ свои [составныя] части, въ особенности такіе элементы, какъ земля, вода, воздухъ и огонь. Море, находясь выше суши, сохраняетъ свою круглость въ серединѣ; и, будучи надъ сушей, оно не разливается и не покрываетъ ея, чтобы не нарушить повелѣнія [Божія] и тѣхъ предѣловъ, которые положены ему; напротивъ, оно такимъ образомъ окружаетъ, сокращаетъ и омываетъ сушу со многихъ сторонъ, не смѣшиваясь съ нею, что̀ кажется чудомъ. Были еще и другіе [философы], именно: Ѳалесъ, Пиѳагоръ, Аристотель, которые—а вслѣдъ за нимъ [Аристотелемъ] и всѣ греческія и латинскія школы—утверждали, что вся суша никоимъ образомъ не можетъ быть обитаема: одинъ поясъ ея по причинѣ чрезвычайной жары, другой—вслѣдствіе сильнаго холода. Тѣ же философы, которые дѣлятъ [всю] землю (il paese) на двѣ части, называя ихъ полушаріями, говорятъ, что въ одномъ [изъ нихъ] людей нѣтъ, да ихъ и не можетъ быть [тамъ]; въ другомъ же, гдѣ живемъ и мы, они обитаютъ вслѣдствіе простой необходимости; что три пятыхъ земной поверхности остаются [безъ жителей], такъ что, по ихъ мнѣнію, обитаемы лишь двѣ пятыхъ. И чтобы вы лучше могли понять линіи на небѣ, называемыя поясами (по нимъ управляется весь міръ (l'orbe della terra), [я скажу вамъ, что] два изъ нихъ холодные, два умѣренные и одинъ жаркій. Напримѣръ, поставьте лѣвую руку съ открытой ладонью между своимъ лицомъ и восходящимъ солнцемъ, какъ учитъ Пробъ Грамматикъ, и держите пальцы откинутыми и протянутыми. Затѣмъ, смотря сквозь нихъ на солнце, предположите, что каждый изъ нихъ означаетъ поясъ: большой палецъ, [указывающій] на сѣверъ, который, вслѣдствіе чрезвычайнаго холода, считается необитаемымъ, обозначаетъ умѣренный поясъ, гдѣ тропикъ Рака; средній палецъ означаетъ жаркій поясъ, который считается необитаемымъ потому, что обжигаетъ и сжигаетъ людей; безыменный (il dito del cuore) соотвѣтствуетъ другому умѣренному, гдѣ тропикъ Козерога; [указательный означаетъ одинъ холодный поясъ], а мизинецъ (il dito manco)—другой холодный, признаваемый [также] необитаемымъ. Этотъ

[2] Такъ въ Валличеліевскомъ спискѣ; въ Ватиканскомъ же стоитъ: parlo Baruc (Варухъ). Пр. Варухъ нигдѣ не говоритъ о семи мірахъ.

послѣдній считается и обитаемымъ, и необитаемымъ, по мнѣнію древнихъ, и въ особенности Плинія, который признаетъ [за нимъ] постепенно уменьшающуюся обитаемость. Изъ всѣхъ пяти частей, или, какъ мы назвали ихъ, поясовъ, людей нѣтъ лишь подъ Зодіакомъ. То же самое подтверждаютъ Скоттъ, Пико делля Мирандола и другіе новѣйшіе богословы. Теперь мы, въ цѣляхъ испытанія, находимся въ противорѣчіи съ тѣмъ, что̀ сказалъ пр. Исаіа въ 45 главѣ[3]: „Господь создалъ землю не напрасно, а для того, чтобы на ней обитали народы". Пр. Захарія въ началѣ своего пророчества[4] говоритъ, что [посланники Божіи] обошли землю, и вся она была населена и полна людей.

Однако, возвращаясь къ первоначальному моему разсужденію, приступаю къ описанію великой Области Московской (Provincia di Moscovia) и другихъ замѣчательныхъ (belle) предметовъ, можетъ быть, мало извѣстныхъ, почему и не досадно будетъ о нихъ выслушать, а мнѣ не трудно описать ихъ. Я дорожу настоящимъ временемъ и, съ помощью Божіей, сдѣлаю это. Итакъ, продолжаю.

Названія—Московія и Москвитяне—недавняго происхожденія, хотя Луканъ[5] упоминаетъ о Мосхахъ, смежныхъ съ Сарматами, а Плиній[6] помѣщаетъ Мосховъ у истоковъ Фасида (Frasside)[7], выше Эвксина (Cospio; l' Euxino), къ востоку, что̀ представляетъ, такимъ образомъ, большое различіе. Московія—огромная, почти безпредѣльная страна, ибо тянется въ восточномъ и сѣверномъ направленіяхъ къ Скиѳскому морю[8], расположена между Польшей и Татаріей и простирается отъ жертвенниковъ Александра Вел., что̀ у истоковъ Танаида (Tanai), до самаго края земли[9]. Московія граничитъ [также] съ Рипейскими горами[10], занимаетъ крайніе сѣверные предѣлы Европы и Азіи и простирается отъ р. Танаида до Гипербореевъ, гдѣ находится Ледовитое море (il mar glaciale)[11].

Обширны пустыни и лѣса этой страны, значительная часть которой, однако, представляетъ собою равнину, изобилующую пастбищами, а во многихъ мѣстахъ—пшеницей и ячменемъ, повсюду зеленѣющую и весьма

---

[3] Стихъ 18.

[4] I, 11.

[5] Въ поэмѣ „Pharsalia", кн. III, ст. 270 (Латышевъ, В. В. Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ. Т. II, вып. 1. СПБ., 1904. Стр. 148).

[6] Naturalis Historia, кн. VI, гл. 12 и 13 (Латышевъ, op. cit., 178).

[7] Фасидъ, Фасисъ, или Фазисъ—нынѣ Ріонъ, вытекаетъ изъ восточной стороны Эльбруса и у Поти впадаетъ въ Черное море.

[8] Скиѳскимъ моремъ въ древности называлось Ледовитое море.

[9] См. прил. II.

[10] Мнимые жертвенники Александра Вел., равно какъ Рипейскія и Гиперборейскія горы находились, по представленію древнихъ, по близости отъ истоковъ Танаида (Дона).

[11] Гиперборейскою Сарматіей или Скиѳіей назывались нынѣшнія области Россіи, лежащія по берегамъ Ледовитаго океана.

богатую воскомъ, медомъ и скотомъ. Но, если взглянуть на почву внимательнѣе, то она, [оказывается], не производитъ ни винограда, ни фруктовъ, ни въ большомъ количествѣ и хорошаго овса, потому что вся эта открытая страна весьма необработана, вслѣдствіе сѣверныхъ вѣтровъ, постоянныхъ холодовъ и сильнаго недостатка въ земледѣльцахъ. Лѣтомъ она во многихъ мѣстахъ болотиста, потому что вся страна эта орошается большими и частыми рѣками, которыя вздуваются послѣ того, какъ отъ лѣтняго солнечнаго тепла распустятся снѣга и ледъ повсемѣстно растаетъ. Поля повсюду превращаются въ болота и всѣ дороги становятся грязными отъ ила и воды; и такъ продолжается до [наступленія] новой зимы, когда рѣки снова станутъ и замерзнутъ до того, что можно проѣзжать по льду въ повозкахъ, безъ опасности провалиться. Значительную часть Московіи занимаетъ страшный на видъ Герцинскій лѣсъ [12]; теперь, [впрочемъ], онъ не такъ страшенъ, [ибо] болѣе уже не кажется густымъ отъ частыхъ рощъ и непроходимыхъ урочищъ, и сталъ рѣже, вслѣдствіе многочисленныхъ строеній, расположенныхъ по всѣмъ направленіямъ; въ немъ живутъ лютые звѣри. Этотъ лѣсъ безпредѣльной величиной своей обманываетъ тѣхъ, кто изъ любознательности захотѣлъ бы найти его конецъ [13].

Границы великаго Государства Московскаго таковы.

Къ востоку живутъ Скиѳы, которые называются нынѣ Татарами [14]; о характерѣ ихъ, какъ и всѣхъ другихъ [народовъ], вы узнаете ниже.

На западѣ Московія примыкаетъ къ тѣмъ средиземнымъ мѣстамъ Пруссіи и Ливоніи, гдѣ Сарматское море [15], выходя черезъ проливъ Кимбрскаго Херсонеса [16], подается къ сѣверу лунообразнымъ изгибомъ. На отдаленномъ (esterno; estremo) берегу этого моря расположены огромныя и богатыя государства Нербара (? Nerbaro; Norbagia), Норвегія и Швеція, мало извѣстныя древнимъ писателямъ [17].

Къ югу Московія граничитъ съ Татарами, [живущими] выше Меотидскаго болота въ Азіи [18], около Борисѳена и Танаида, [а также] съ Россіей и Литвою. Россіи двѣ: одна, обширнѣйшая, [лежитъ] по направленію къ

---

[12] Герцинскій лѣсъ (нѣм. Harz или Hartwald), по свидѣтельству Цезаря (De bello gallico, IV, 25), простирался въ древности отъ границъ Гельветовъ, Неметовъ и Равриковъ, по теченію Дуная до предѣловъ Дакіи, откуда поворачивалъ влѣво, въ сѣверо-восточныя страны Европы. Плиній, Страбонъ, Помпоній Мела, Тацитъ и др. также упоминаютъ о немъ.

[13] См. прил. III.

[14] См. прил. IV.

[15] Балтійское море.

[16] Такъ назывался Ютландскій полуостровъ.

[17] См. прил. V.

[18] Въ древности границею Европы считали линію, проходящую отъ Эгейскаго моря черезъ три пограничныя съ Азіей моря до устья р. Танаида (Дона), а потомъ по теченію этой рѣки до 58° сѣв. шир. Далѣе граница терялась въ обширныхъ пространствахъ Гиперборейской Сарматіи.

Герцинскому лѣсу, другая[19]—по берегамъ р. Аксіака (Asiace; Asiaco)[20], смежной съ Польшею и Трансильваніей. Эта страна прежде была населена Роксоланами, Гетами, Даками и Бастарнами, откуда, полагаютъ, произошло и [самое] названіе Россіи, потому что одна часть Литвы называется нижнею, а другая, недавно покоренная Москвитянами,—бѣлою Россіей[21].

Къ сѣверу встрѣчаются самые отдаленные обитатели міра, сначала Шибаны (Sciabrati; Sciabani)[22], народъ весьма многочисленный, потомъ знаменитые Стогны (? Stogni), Сагаи (Stogai; Hogni)[23], немного далѣе къ югу и Гирканскому морю[24] живутъ Джагатаи (Ragatai; Zagatei)[25], самые знаменитые изъ Татаръ[26]. Есть и еще Татары, живущіе въ странѣ, менѣе извѣстной, о которой, какъ уже сказано, я сообщу ниже.

Сказавъ уже, что упомянутыя названія—Московія и Москвитяне—недавняго происхожденія, я долженъ былъ бы говорить объ ихъ положеніи и столицѣ; но [ранѣе этого], мнѣ кажется, умѣстно сказать, кто они были, какъ назывались прежде и почему [нынѣ] называются Москвитянами. Народъ этотъ будто бы происходитъ отъ Ливонцевъ и Татаръ, жившихъ по берегамъ Волги; они были [извѣстны] подъ именемъ Готовъ, которые населяли прежде островъ Исландію (Islandia)[27] или Скандинавію (Scandarica; Scandana), и слишкомъ тысячу лѣтъ тому назадъ, подъ предводительствомъ ихъ царя Аттилы (Totila), извѣстнаго какъ Москвитянамъ, такъ и въ Италіи, совершили удивительные подвиги, разрушивъ, по несчастному [опредѣленію] судьбы, городъ Римъ и Римскую Имперію. У насъ они назывались прежде Модохами (Modochi; Mendochi), такъ же названы были и Птолемеемъ; но отъ рѣки, именуемой Моско (Mosco), которая нынѣ протекаетъ по столицѣ Московіи, городъ сталъ называться Московіей (Moscovia), а отсюда уже получили свое имя и Москвитяне[28].

---

[19] Здѣсь, очевидно, разумѣется ю.-з. и ю. Русь.

[20] По Птолемею, р. Аксіакъ вытекала изъ Карпатскихъ горъ. Устье этой рѣки—Тилигульскій лиманъ, нынѣ закрытый отъ моря песчаной косою; въ него впадаетъ нѣсколько незначительныхъ рѣкъ, изъ которыхъ одна, одноименная съ лиманомъ, дѣйствительно вытекаетъ изъ восточныхъ предгорій Карпатскаго хребта (Кулаковскій, Ю. Карта Европейской Сарматіи по Птолемею. Кіевъ, 1899. Стр. 17).

[21] См. прил. VI.

[22] Шибаны жили по р. Тюмени и въ области южн. Урала.

[23] Сагаи—тюркское племя, жившее въ бассейнѣ верхняго Енисея.

[24] Здѣсь разумѣется Каспійское море, которое называлось также Бакинскимъ.

[25] Джагатай—страна, лежавшая за Аральскимъ моремъ, между р. р. Сыръ-Дарьей и Аму-Дарьей. Свое названіе она получила отъ Джагатая или Загатая, сына Чингисъ-Хана, которому этотъ послѣдній отдалъ ее въ удѣлъ.

[26] См. прил. VII.

[27] Въ Валлич. сп.: Irlandia.

[28] См. прил. VIII.

Этотъ городъ Московіи—самый знаменитый изъ всѣхъ другихъ городовъ этого государства, отчасти по своему положенію—потому что, говорятъ, онъ находится въ серединѣ Области (Provincia),—частью же вслѣдствіе удобнаго расположенія рѣкъ, огромнаго количества домовъ и красоты своего неприступнаго кремля (rocca). Дома расположены вдоль береговъ рѣки на пять слишкомъ миль; зданія обыкновенно строятся изъ дерева очень хорошо и пропорціонально (con proporzionata fabbrica). [Здѣсь] большое обиліе строевого лѣса, который рубятъ въ Герцинскомъ лѣсу, обрабатываютъ по извѣстной мѣркѣ и строятъ изъ него съ удивительною прочностью и быстротой. Почти при всѣхъ домахъ имѣются свои сады, что̀ придаетъ городу живописный видъ. Въ каждомъ кварталѣ (contrada) есть отдѣльная церковь благородной архитектуры и [соотвѣтствующей] величины; прежде церкви не были такими, но, какъ говорятъ, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ какимъ-то болонскимъ архитекторомъ [29] имъ придана была удивительно красивая форма. По главной части (nel principio) города протекаетъ рѣчка, по имени Неглинная (Neglino], на которой стоитъ множество мельницъ и которая, при впаденіи въ р. Москву, образуетъ островъ (isola), гдѣ искусствомъ одного итальянскаго архитектора была воздвигнута крѣпостная стѣна, съ башнями поразительной красоты. Этими двумя рѣками омываются почти три части города, а остальная обведена весьма широкимъ рвомъ, наполненнымъ водою, отведенной изъ тѣхъ рѣкъ. Этотъ городъ защищенъ и еще одной рѣкою, называемой Яузой (Jasuasa; Josuata), которая, протекая нѣсколько ниже города, сливается съ р. Москвою [30]. Эта рѣка [31], протекая къ югу, впадаетъ въ Оку или (seu) Волгу, которая въ древности называлась Ра (Rha); она беретъ свое начало въ Гиперборейскихъ горахъ, откуда вытекаетъ и эта рѣка [32]. Тамъ (et ivi) стоитъ крѣпость Нижній Новгородъ (Golena; Gelona), откуда, направляя свое теченіе къ югу, [Ока] орошаетъ поля, смежныя съ Таной (le campagne vicino alla Tana) [33]; оттуда она извиваясь поворачиваетъ направо къ во-

---

[29] Очевидно, Аристотель Фіоравенти, извѣстный въ Италіи подъ именемъ Alberti Aristotile и Ridolfo Fioraventi. Ф. прибылъ въ Москву въ 1473 г. по приглашенію русскаго посла въ Венеціи, Семена Толбузина. Еще прежде онъ былъ извѣстенъ, какъ прекрасный архитекторъ и механикъ. Въ Москвѣ Ф. построилъ знаменитый храмъ Успенія Пресв. Богородицы въ Кремлѣ. Въ 1479 г. храмъ этотъ уже былъ освященъ. Кромѣ того, Аристотель лилъ у насъ колокола и пушки и чеканилъ монету, на которой ему дозволено было изображать свое имя.

[30] См. прил. IX.

[31] Т. е. Москва.

[32] Т. е. Ока.

[33] Въ Валлич. сп.: le campagne vicino alla terra.—Тана—городъ, расположенный при впаденіи Танаида (Дона) въ Азовское море (древн. Бѣлая Вѣжа, Саркелъ).

стоку и, расширяя русло, впадаетъ въ Волгу[34], гдѣ и расположена упомянутая крѣпость Малый Новгородъ (la nave Giodia minore, Novegradio minore); затѣмъ [Волга] стремительно направляется въ Бакинское море (il mare di Bauri, Bacсù). Волга беретъ свое начало изъ неизмѣримо обширныхъ болотъ, называемыхъ Бѣлыми озерами (Laghi bianchi). Они находятся выше Москвы (Mosca) къ сѣверу и сѣверо-западу и даютъ начало рѣкѣ, которая течетъ въ разныхъ мѣстахъ [Московіи]. Точно также мы знаемъ, что и изъ Альпійскихъ горъ и источниковъ выходятъ Рейнъ, По, Рона и другія безчисленныя маленькія рѣки. [Итакъ], изъ тѣхъ озеръ или болотъ постоянно и въ изобиліи текутъ воды, которыя и даютъ начало Двинѣ (Dividua; Dwina), Окѣ (Occo; Beco), Москвѣ (Mosco), Волгѣ, Танаиду (Tanai) и Борисѳену (Boristine). Волгу Татары называютъ Эдиль (Edilo; Odilo), а Танаидъ—Аперъ (Haper, Aper)[35]; онъ впадаетъ въ Меотидскія болота, гдѣ лежитъ торговая мѣстность (dove è terra di trafico). Москва (Mosco) (sic) большимъ извивомъ и излучиной идетъ сначала на востокъ, потомъ къ западу и, наконецъ, [ставъ] весьма полноводной, стремительно направляется къ югу, въ Гирканское море. Выше устьевъ ея расположенъ татарскій городъ Астрахань (Citracan)[36], гдѣ ведутъ торговлю Мидяне, Армяне и Персы[37]. На берегахъ Волги есть и еще одна крѣпость огромной важности, по имени Орда (Horda; Flagra), которая [прежде] была также татарскою. Прежніе князья владѣли двумя другими городами, которые стали главными (reali): одинъ—Новгородъ (Novogrodia), не очень давняго происхожденія (della quale non molti anni fà), получилъ значеніе главнаго вслѣдствіе чрезвычайнаго множества зданій, красиваго и рыбнаго озера и прекраснаго, стариннаго и чтимаго храма, построеннаго въ подражаніе св. Софіи въ Константинополѣ; другой—Владиміръ (Valdimonia; Voldimaria), подобно этому ставшій главнымъ. Москва же, вслѣдствіе всѣхъ вышеуказанныхъ преимуществъ, является столицей и, находясь въ срединѣ государства, отстоитъ отъ Венеціи на 1.400 миль[38].

Московія, какъ уже сказано, не производитъ ни винограда, ни масличныхъ и фруктовыхъ деревьевъ. Здѣсь родятся дыни, черешни, вишни, пшеница, рожь, два вида проса (miglio, panico) и разные сорта овощей. Здѣсь нѣтъ какой-либо рудной жилы, золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней; [зато] въ изобиліи имѣется мѣдь, желѣзо и свинецъ. Но природа вознаградила Москвитянъ, давъ имъ драгоцѣнные мѣха, которые покупаютъ изъ гордости и хвастовства люди изнѣженные и тщеславные и платятъ за нихъ чрезвычайно дорого—дѣло неслыханное прежде, когда

---

[34] Ср. у Герберштейна: „Если затѣмъ пройти долгій путь по теченію Танаида, до сліянія рѣкъ Оки и Волги“... (Стр. 2).

[35] Аперъ—Днѣпръ. Явная ошибка: Днѣпръ—не Танаидъ, а Борисѳенъ.

[36] Астрахань, Азиторокань, Цитраканъ, Эквахань, Эквезамъ... Нынѣшняя А. находится въ 80 вер. отъ устья Волги и въ 7 в. отъ прежней А.

[37] См. прил. X.

[38] См. прил. XI.

они, зная наше тщеславіе, продавали [намъ] мѣха за совершенный безцѣнокъ. У нихъ водится множество животныхъ, имѣются лѣса, прекраснаго качества и богатыя травой пастбища, воскъ и въ большомъ изобиліи медъ; ибо онъ не только обильно собирается пчелами въ ульи, но имъ полны въ лѣсу деревья, въ [дуплахъ] которыхъ очень часто находятъ весьма значительное количество меда[39].

Въ ихъ лѣсахъ живутъ лютые звѣри, а въ той части, которая обращена къ Пруссіи, водятся большіе и весьма сильные медвѣди и какія-то животныя, похожія на быковъ: они называются бизонами (besonti). Въ этихъ лѣсахъ водятся [также] животныя, похожія на оленей, но съ [особенной] мордою и длинными ногами съ несгибающейся щеткою (senza giuntura)[40]: ихъ называютъ лосями (Lozzi). Здѣсь встрѣчается множество дикихъ и огромныхъ волковъ съ черною шерстью, другіе виды большихъ медвѣдей и иныхъ безчисленныхъ животныхъ, о которыхъ я не говорю для краткости[41].

Москвитяне средняго роста, плечисты и весьма сильны, у нихъ синеватые глаза, длинныя бороды, короткія ноги, длинныя туловища; они очень долго могутъ ѣздить верхомъ[42]. Женщинъ и женъ своихъ они держатъ не въ такомъ почетѣ, какъ другіе народы: напротивъ, они обращаются съ ними немного лучше, чѣмъ съ рабынями. Знатные Москвитяне очень ревнивы: они не пускаютъ своихъ женъ ни на пиры, ни на праздники, ни въ дальнія церкви и едва позволяютъ имъ выходить изъ дому. Другія же [женщины] совращаются за дешевую цѣну, чрезвычайно расположены къ иноземцамъ, охотно ложатся съ ними и отдаются, лишь бы только попросили ихъ[43].

Москвитяне говорятъ и пишутъ на Славянскомъ языкѣ (in lingua Schiavona), какъ Долматинцы, Чехи (Bohemi), Поляки и Литовцы. Передаютъ, что языкъ этотъ весьма распространенъ: нынѣ онъ хорошо извѣстенъ въ Константинополѣ при дворѣ Султана, и даже въ Египтѣ у Султана Вавилоніи (il Soldano di Babilonia) его обыкновенно можно было слышать въ устахъ Мамелюковъ (Mamelucchi)[44].

---

[39] См. прил. XII.

[40] *Щеткою* наз. часть ноги надъ копытнымъ сгибомъ и волоса пучкомъ на этомъ мѣстѣ. У П. Іовія „et nullo suffraginum flexu“... Лось имѣетъ ноги жесткія; это и подало поводъ Ю. Цезарю, видѣвшему лосей въ Герцинскомъ лѣсу, разсказывать, что ноги ихъ совсѣмъ безъ сочлененій, такъ что они никогда не ложатся для отдыха („Alces... crura sine nodis articulisque habent, neque quietis causa procumbunt, neque, si quo afflictae casu conciderunt, erigere sese aut sublevare possunt“. De bello gallico, VI, 27). Это фантастическое сообщеніе Цезаря принялъ на вѣру и П. Іовій.

[41] См. прил. XIII.

[42] См. прил. XIV.

[43] См. прил. XV.

[44] См. прил. XVI.

Москвитяне живутъ въ своихъ домахъ скорѣе богато, чѣмъ роскошно, такъ какъ имъ доставляются разные сорта съѣстныхъ припасовъ (vivanda), какіе только можно потребовать за низкую цѣну. Двѣ курицы или утки продаются за какую-то мелкую серебряную монету, которая на наши деньги равняется, кажется, четыремъ сольдо [45]. Затѣмъ у нихъ въ изобиліи имѣется разныхъ сортовъ мясо; [зимою] мясо заколотыхъ животныхъ не портится въ теченіе цѣлаго мѣсяца. У нихъ водится замѣчательная дичь; они ловятъ ее силками, разнаго рода сѣтками и при помощи соколовъ, которые у нихъ прекрасной породы. Съ ястребами они охотятся не только за фазанами и утками, но даже за лебедями и журавлями, [ибо] у нихъ имѣются ястреба и одна порода небольшихъ орловъ. Ловится также какая-то птица черноватаго цвѣта (che trae al nero), съ красными бровями и величиною съ гуся, но гораздо лучше фазана: она называется тетеревъ (thetao). У нихъ обиліе рыбы. Въ Волгѣ водятся огромныя и превосходныя на вкусъ рыбы, особенно осетры, называемые Silvani [46]. Бѣлыя озера даютъ [также] множество крупной и мелкой рыбы разныхъ сортовъ и качества [47].

Не имѣя мѣстныхъ винъ, они пьютъ привозныя; поэтому употребляютъ ихъ только въ праздники, на пирахъ и при богослуженіи. Высоко цѣнится у нихъ мальвазія, которую они пьютъ вмѣсто лѣкарства или изъ [хвастовства] роскошью, присущей государямъ. Удивительно, что напитки эти они получаютъ въ бочкахъ черезъ снѣга Скиѳіи съ Крита и изъ Кадикса; взбалтываемые столькими морями, они ничего не теряютъ ни въ запахѣ, ни во вкусѣ, развѣ что дѣлаются еще лучше. [Простой] народъ употребляетъ особый напитокъ изъ меда и хмеля [48], который, простоявъ въ сосудѣ долгое время, дѣлается еще крѣпче. У нихъ въ употребленіи [также] пиво и напитокъ, приготовляемый изъ пшеницы, полбы или ячменя—какъ дѣлаютъ его Нѣмцы и Поляки,—и кто неумѣренно пьетъ его, пьянѣетъ, какъ отъ вина. Они употребляютъ сокъ вишни, garbe (?) и черешни; онъ прозрачный, краснаго цвѣта и превосходный на вкусъ; они заботливо сохраняютъ ледъ и во время жары обыкновенно кладутъ его въ этотъ напитокъ [49].

Москвитяне заключаютъ свои браки—я не говорю о простолюдинахъ и крестьянахъ, которые соблюдаютъ то же, что и Греки, и съ тѣми же обрядами; но люди знатные (gli huomini honorati), при выходѣ замужъ дѣвушки, обычно поступаютъ такимъ образомъ: они устраиваютъ многочисленное собраніе изъ дѣвушекъ всего государства и выбираютъ [себѣ женъ] изъ самыхъ красивыхъ и приличныхъ; и та, которая болѣе всѣхъ

---

[45] Сольдо (soldo) составлялъ 124-ю часть червонца или 20-ю часть ливра.

[46] Вѣроятно, Siluri.

[47] См. прил. XVII.

[48] Въ текстѣ: lupini (lupino—дятлина, лупинъ, волчанъ) вм. luppolo—хмель.

[49] См. прил. XVIII.

понравится и придется по сердцу Государю, становится его супругою. Затѣмъ и остальныя [дѣвушки] постепенно всгаютъ и выбираются другими князьями, вельможами (baroni) и военными, которые обращаютъ вниманіе не на высокій или низкій ростъ, а только на ихъ красоту и добродѣтель. Когда же—какъ это часто бываетъ—Государю не нужно выбирать жену, князья и другіе благородные уступаютъ честь [выбора] наиболѣе достойному, соблюдая [при этомъ] тѣ же самые обычаи[50]. Если же бываетъ много равныхъ, они выбираютъ по жребію, о чемъ, по правдѣ сказать, я совсѣмъ не сожалѣю, потому что [въ этомъ случаѣ] женщины удостаиваются мужчинами, а не мужчины женщинами, какъ у насъ: чрезвычайно богатое приданое порабощаетъ мужчинъ, о чемъ я много сказалъ бы, еслибы [здѣсь] умѣстно было говорить объ этомъ.

Москвитяне покланялись прежде[51] богамъ, именно—Юпитеру, Марсу, Сатурну и другимъ ложнымъ богамъ заблуждшаго (pazzo) міра. Они приняли [христіанскую] вѣру какъ разъ во время отдѣленія Грековъ отъ Церкви латинской, и какъ они прежде заимствовали отъ нихъ всѣ свои уставы и обряды, такъ и продолжаютъ слѣдовать имъ. Они вѣруютъ въ исхожденіе Св. Духа отъ одного Отца; совершаютъ таинство Евхаристіи на квасномъ, а не на прѣсномъ хлѣбѣ; причащаются подъ обоими видами; совсѣмъ не хотятъ признавать [значеніе] добрыхъ дѣлъ для душъ предковъ; отрицаютъ чистилище, какъ плодъ человѣческаго воображенія; не признаютъ индульгенцій, отпущенія грѣховъ и тому подобнаго; во всемъ остальномъ они поступаютъ точно такъ же, какъ и Греки. Нѣсколько отрицательно они относятся къ Іудеямъ, какъ къ народу, ненавистному нашему Господу Богу. За богослуженіемъ у нихъ читаются съ возвышенія Евангелія и Посланія св. Павла. Священники читаютъ поученія и не хотятъ, чтобы монахи или кто-нибудь другой появлялись на церковной каѳедрѣ для состязанія о высокихъ или низкихъ предметахъ; они хотятъ видѣть [въ другихъ] идіотовъ, считая ихъ вьючными животными: ученые же и люди своеобычные—каждый въ отдѣльности въ душѣ—полагаютъ, по ихъ мнѣнію, что, по волѣ Божіей, весь остальной міръ не долженъ замѣчать тѣхъ многочисленныхъ заблужденій, которыя происходятъ отъ недостаточнаго пониманія св. Писанія. Они имѣютъ [книги] Ветхаго Завѣта и творенія свв. Августина, Іеронима, Григорія и Амвросія: всѣ они переведены на Славянскій языкъ[52]. Своимъ [духовнымъ] главою они имѣютъ Константинопольскаго Патріарха. Ихъ епископы, прелаты и [другіе духовные] сановники отличаются набожностью, посвящаютъ себя богоугоднымъ дѣламъ (al sacro), умиротворяютъ ссоры и въ силу какой-то [особенной] власти наказываютъ дурныхъ. У нихъ два разряда священниковъ: одни [изъ нихъ] переходятъ съ мѣста на мѣсто (va hor qua hor là) и ведутъ

---

[50] См. прил. XIX.

[51] Въ Ватикан. сп.: „già anni sono cinquanta“ (50 лѣтъ тому назадъ). Явная ошибка: у П. Іовія—500. См. прил. XX.

[52] Въ Ватикан. сп.: lingua italiana

болѣе свободный образъ жизни, подобно нищенствующимъ францисканцамъ и доминиканцамъ; другіе же, принявъ уставъ св. Василія, придерживаются болѣе строгой жизни, ибо имъ навсегда воспрещено переступать порогъ своего жилища, за исключеніемъ [случаевъ] крайней жизненной необходимости; они живутъ въ уединенныхъ мѣстахъ, предаваясь умерщвленію плоти и созерцанію. Простой народъ постится четыре раза въ годъ и всякій разъ чаще безъ мяса, яицъ и молочныхъ кушаній. Весною, лѣтомъ— въ честь свв. Петра и Павла, въ началѣ осени, въ Вознесеніе нашего Господа, зимою во время Рождественскаго поста, въ среду и пятницу они не ѣдятъ мяса, яицъ и молочныхъ кушаній; въ субботу же не постятся. Къ храму они относятся съ такимъ благоговѣніемъ, что, кто ночью полежитъ со своею женой, не можетъ войти въ него, не вымывшись предварительно въ банѣ; поэтому молодые глупцы часто посмѣиваются надъ священниками. Три (?) раза [въ годъ] народу раздается [въ церкви] хлѣбъ, частицы котораго, по ихъ мнѣнію, помогаютъ при нѣкоторыхъ болѣзняхъ: въ Рождество св. Іоанна Крестителя, въ Пасху, Богоявленіе и въ пятницу на первой недѣлѣ Великаго поста (il vener(di) santo). У нихъ есть также обычай въ сильный холодъ на берегахъ застывшихъ рѣкъ совершать торжественное богослуженіе, и затѣмъ съ пѣніемъ псалмовъ окроплять [вѣрующихъ] святой водою: они очищаютъ ее, святятъ съ разными обрядами и ломаютъ ледъ; поэтому счастливъ тотъ больной, который можетъ здѣсь окунуться [въ водѣ] съ твердою вѣрой, что это избавитъ его [отъ болѣзни]. Они хоронятъ мертвыхъ по нашему обычаю, но безъ пышности и даже не въ церкви, ибо считаютъ это ея осквернѣніемъ: для этого назначенія у нихъ имѣются кладбища; подобно намъ, они оплакиваютъ покойниковъ сорокъ дней [53].

Кромѣ вышеперечисленныхъ, у нихъ имѣются въ переводѣ разныя книги св. Писанія и много историческихъ сочиненій, [трактующихъ] какъ о Римлянахъ, такъ и о другихъ [народахъ]; у нихъ нѣтъ философскихъ, астрологическихъ и медицинскихъ [книгъ]. Врачи лечатъ по опыту и испытанными лечебными травами [54].

Они ведутъ счетъ годамъ не съ воплощенія [Бога Слова] или Рождества [Христова], какъ мы, а съ сотворенія міра; и первымъ мѣсяцемъ въ году [у нихъ] считается сентябрь, тогда какъ въ Италіи—январь [55].

Нашъ Князь и великій Императоръ, по имени Иванъ Васильевичъ (Givanni di Basilio), имѣетъ отъ роду 27 лѣтъ, красивъ собою, очень уменъ и великодушенъ. За исключительныя качества своей души, за любовь къ нему подданныхъ и великія дѣла, совершонныя имъ со славою въ короткое время, достоинъ онъ встать на ряду со всѣми другими государями нашего времени, если только не превосходитъ ихъ. Поэтому за величайшія и знаменитыя побѣды, одержанныя его предшественниками, и за свои собствен-

---

[53] См. прил. XX.

[54] См. прил. XXI.

[55] См. прил. XXII.

ныя онъ сталъ называться „Свѣтлѣйшимъ и Славнымъ“. Онъ побѣдилъ Ливонцевъ, имѣвшихъ въ союзѣ съ собою семьдесятъ два[56] города[57], разбилъ Черныхъ Татаръ и Вогуличей (Ugolici; Hugolici)—прежнихъ Гиперборейцевъ,—такъ что теперь они охотно подчиняются ему[58]. Онъ велъ также продолжительную войну съ такъ называемыми Югрскими (Nugri) Татарами[59], которые были весьма сильны войсками и богатствами, но вслѣдствіе внутреннихъ смутъ лишились своего могущества и значенія и сдѣлались его данниками. Такъ называемые Казанскіе (Casani) Татары, живущіе за Волгой, также подчинились Москвитянамъ, которые, такимъ образомъ, сдѣлались ихъ господами и покровителями. Татары Пермскіе (Permei) и Печорскіе (Piceri; Piceni) еще недавно были язычниками и почитали идоловъ; теперь они покланяются Нашему Господу и состоятъ данниками Москвитянъ[60]. Императоръ покорилъ большой татарскій городъ Астрахань (Citracan), расположенный на р. Волгѣ и извѣстный своею торговлей: здѣсь конкуррируютъ Мидяне, Армяне и Персы, [устраиваютъ] базаръ и ведутъ большую торговлю[61]. Онъ взялъ знаменитую татарскую крѣпость на Волгѣ, Орду (Ordan), и Казань (Cassano), откуда и получила свое названіе Орда Казанскихъ Татаръ (Orda di Tartari Cassani)[62]. Въ пустынной мѣстности, на границѣ съ [областью] кочевыхъ Татаръ, онъ построилъ крѣпость [Василь-]Сурскъ (Saricto; Sarcito), отстоящую отъ Казани на 150 миль[63]. Во всѣхъ упомянутыхъ крѣпостяхъ онъ основалъ 9 московитскихъ колоній, а ихъ прежнихъ жителей перевелъ во [внутреннія] области Московіи и такимъ образомъ обезопасилъ свои границы. Онъ покорилъ безчисленные народы, занимавшіе [все пространство] вплоть до Скиѳскаго моря на три[64] мѣсяца пути[65]. Императоръ ведетъ большую войну съ Перекопскими Татарами (gli Tartari Piecopiti), которые живутъ въ Херсонесѣ Таврическомъ

---

[56] Въ Валлич. сп.: „22 Città“.

[57] Война Іоанна IV съ Ливоніей началась въ январѣ 1558 г., а окончилась въ 1582 г.; слѣдовательно, о результатахъ ея авторъ Relazione не могъ знать. Извѣстіе это заимствовано имъ изъ П. Іовія, который приписываетъ Ливонскую войну Василію III (см. прил. XXIII); но этотъ государь совсѣмъ не воевалъ съ Ливонскимъ Орденомъ. Очевидно, здѣсь нужно разумѣть болѣе раннюю войну съ Ливоніей, которую Іоаннъ III велъ съ 1482 по 1503 г.

[58] См. прил. XXIV.

[59] Въ Валлич. сп.: „Jerumii“. Названіе это, вѣроятно, происходитъ отъ города Еромъ (Jerom) или Неромъ, нынѣшнее Верхотурье, уѣздн. городъ Перм. губ., на р. Турьѣ, впадающей въ р. Тоболъ (Замысловскій, op. cit., 437—438).

[60] См. прил. XXV.

[61] См. прил. XXVI.

[62] См. прил. XXVII.

[63] См. прил. XXVIII.

[64] Въ Валлич. сп.: „per cammino di mesi 20“.

[65] См. прил. XXIX.

у Ахиллова Бѣга[66] и владѣютъ лигурійскимъ городомъ Кафой (Caffa), который въ древности назывался Ѳеодосіей. Съ давняго времени они были въ подчиненіи у Московскихъ [Великихъ] князей, но [потомъ] возмутились и признали своимъ Государемъ [того], на дочери котораго женился турецкій Султанъ Селимъ. Своею вѣрой и обычаями они походятъ на Турокъ[67]. Теперь они опечалены и измучены [войною]: Императоръ уничтожилъ очень многихъ изъ нихъ; онь и совсѣмъ истребилъ бы ихъ, еслибы великій турецкій Султанъ не оказалъ имъ помощи. Великому князю и Императору охотно подчиняются многіе народы; для краткости не буду называть каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

Отецъ Императора велъ большую войну съ Королемъ Польскимъ, и оба они нанесли другъ другу большія потери[68]. [Потомъ] они примирились; но нынѣ, по просьбѣ турецкаго Султана, [Король] нарушилъ миръ, о чемъ узнáете ниже. Войска Императора стяжали себѣ славу и извѣстность и еще болѣе увеличили ихъ, соединившись съ Софи (Sophi), ко вреду Турокъ. Объ этомъ будетъ сказано ниже.

Титулъ Императора таковъ: „Иванъ Васильевичъ, Императоръ и повелитель [всея] Россіи, великій Князь Московскій, Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, Повелитель и великій Князь Нижегородскій, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ржевскій (?), Бѣльскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Обдорскій, Кондинскій и иныхъ[69].

Императоръ руководствуется своими несложными законами, по которымъ онъ съ величайшею справедливостью царствуетъ и управляетъ всѣмъ Государствомъ. Они соблюдаются такъ хорошо, что никто не смѣетъ нарушать ихъ произвольными и хитроумными толкованіями. Для разбойниковъ, убійцъ и злодѣевъ опредѣлены строгія наказанія (pene ordinarie); преступниковъ же, какъ и должно, подвергаютъ пыткамъ[70].

---

[66] „Ахилловъ Бѣгъ“—нынѣ Кинбурнская коса, узкая полоса земли, простирающаяся на сѣверо-западъ отъ перешейка, соединяющаго Таврическій полуостровъ съ материкомъ.

[67] См. прил. XXX.

[68] Здѣсь авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду войну Василія III съ Сигизмундомъ I, длившуюся съ 1507 по 1522 г., съ перерывомъ въ 4 года (1508—1512). Война эта была, дѣйствительно, очень тягостна и разорительна для обѣихъ сторонъ. По миру 25 дек. 1522 г. Василій получилъ Смоленскую область; границами между обоими государствами были опредѣлены р. р. Днѣпръ, Ивака и Меря.

[69] „Juvan da Basilio Imperatore, et dominator della Russia, gran Duca di Moscovia, Smolengo (Smolensco), Itteria, Jugoria (Lugoria), Permia, Vetdaat, Bolgaria, et Dominator e gran Principe di Novogodia bassa, Cernigovia, Baccaenia (Bazania), Volotachia, Reconia (Recovia), Belchoa (Bolena), Rostonia (Rostovia), Jaroslavia, Boloteria (Belogeria), Obdoria, Condinia (Condoria) etc“.

[70] См. прил. XXXI.

Нашъ Императоръ запросто разговариваетъ и обращается со всѣми; онъ обѣдаетъ со своими вельможами (baroni) всенародно и съ истиннымъ благородствомъ; съ царскимъ величіемъ онъ соединяетъ привѣтливость и человѣчность. На столахъ [у него] можно видѣть множество серебряныхъ позолоченныхъ сосудовъ, тяжеловѣсныхъ и цѣнныхъ. У Императора нѣтъ обыкновенія окружать себя стражею, и онъ нигдѣ не держитъ ея, кромѣ какъ на границахъ [государства], потому что жители столицы хорошо и вѣрно несутъ караульную службу. На каждой улицѣ имѣются свои ворота и рогатки (serragli), такъ что ночью нельзя ходить по городу, не имѣя при себѣ свѣтильника (lume). [Императорскій] дворъ всегда полонъ разнаго рода государями (signori), князьями, послами (oratori) разныхъ государей и солдатами: они являются [сюда] во всякое время, чтобы почтить дворъ и находиться въ свитѣ Императора [71].

Молодежь упражняется въ разнообразныхъ играхъ, весьма близкихъ, однако, къ военному искусству; она состязается, напр., въ бѣганіи [взапуски], кулачномъ бою, верховой ѣздѣ и т. п. Въ каждой игрѣ есть своя награда, и особенная честь оказывается тому, кто лучше всѣхъ владѣетъ лукомъ [72]. Игры въ карты, кости и т. п. [здѣсь] не въ употребленіи, вслѣдствіе совершеннаго запрещенія ихъ на зло намъ, Итальянцамъ, у которыхъ отъ такого безпутства сумасбродные юноши приводятъ къ разоренію безчисленныя семьи, а бѣдные и несчастные солдаты едва въ состояніи заплатить свой проигрышъ.

Но въ разсужденіи о военномъ искусствѣ умѣстно, кажется, сказать [о томъ], какъ Москвитяне упражнялись въ немъ прежде. Ихъ лошади ниже средняго роста, сильны и быстроходны. На нихъ они обыкновенно сражались копьями, желѣзными палицами, луками и стрѣлами. [Войска] были немногочисленны, [воины] носили оружіе за спиною, а тѣло хорошо прикрывали круглымъ или четырехугольнымъ щитомъ, подобно Туркамъ, Азіатамъ и Грекамъ. Нѣкоторые изъ нихъ—правда, немногіе—носили латы и остроконечные шлемы. Ихъ манера сражаться состояла въ томъ, что они, подобно Скиѳамъ, спасаясь ранили непріятеля; они считали постыднымъ побѣждать врага обманомъ, скрытой хитростью и изъ засады; сражались же храбро и какъ на поединкѣ (con disfide reali) [73]. Они выказывали извѣстнаго рода великодушіе, соединенное съ жестокостью, и презирали ту храбрость, которая вытекала изъ какихъ-либо преимуществъ, не признавая побѣду полной и настоящей, разъ она одержана обманомъ и хитростью. Такой способъ побѣды они называли боязнью, трусостью и предательствомъ; [тогда какъ] умѣнье и искусство начальника они видѣли въ захватываніи прежде [всего] мѣстъ для стоянки войскъ, [которыя должны были] не выходить изъ повиновенія и не покидать [поля] сраженія безъ приказанія начальника, никогда не сражаться на неудобномъ мѣстѣ, со-

---

[71] См. прил. XXXII.

[72] См. прил. XXXIII.

[73] См. прил. XXXIV.

вершенно не двигаться, когда ихъ вызываютъ [на бой] и совсѣмъ не прятаться въ засаду. Всѣ такіе пріемы они осуждали, и побѣду, одержанную посредствомъ хитрости и уловокъ, не считали настоящей.

Въ настоящее время нашъ Императоръ Иванъ [Васильевичъ] много читаетъ изъ исторіи Римскаго и другихъ [государствъ], отчего онъ научился многому. Онъ также часто совѣтуется съ нѣмецкими капитанами и польскими изгнанниками, и для собственной пользы взялъ себѣ за образецъ Римлянъ, которые, благодаря хитрости, побѣждали въ битвахъ дикіе и ужасные народы. Войско свое онъ устроилъ по примѣру Французовъ и изъ Татаріи выписалъ превосходныхъ скакуновъ, которые по величинѣ и дикости не уступаютъ лошадямъ другихъ странъ (del mondo). Когда произведенъ былъ смотръ войскамъ, то оказалось, что въ нихъ насчитывается въ настоящее время 3.000 тяжеловооруженныхъ и 10.000 легкой кавалеріи (что̀ представляется крайне удивительнымъ), 20.000 конныхъ стрѣлковъ на саксонскій образецъ: они называются по нашему Ferranchi[74], [при чемъ] изъ нихъ особенно [выдѣляются] стрѣлки (? alciati; alvati), которыхъ хочется обозвать убійцами (occisori d' huomini); 30.000 стрѣльцовъ (по образцу швейцарскихъ), которые постоянно обучаются для службы Императору: они освобождены отъ налоговъ и пользуются большой властью надъ другими. Государь, поощряя обыкновенно истинную доблесть, не забываетъ и въ военное время щедро и достойно награждать заслуженныхъ солдатъ; но не обнаружившихъ на войнѣ этихъ качествъ[75] онъ клеймитъ вѣчнымъ позоромъ[76]. Солдаты, получающіе даже небольшое жалованье, называются наемными, хотя бы они и совсѣмъ не заключали письменныхъ условій; однако, юношей, способныхъ сражаться, у нихъ очень много, такъ что Москвитяне превосходятъ всѣхъ другихъ численностью людей и лошадей; и я въ непродолжительное время своего пребыванія здѣсь видѣлъ два конныхъ войска, каждое въ 100.000 человѣкъ, что̀, хотя и можетъ показаться невѣроятнымъ, однако, это чистая правда. Императоръ обладаетъ теперь многочисленной артиллеріей[77] на итальянскій образецъ, которая ежедневно пополняется нѣмецкими служащими, выписанными сюда на жалованье. Она въ достаточномъ количествѣ снабжена бомбардирами, превосходно устроена, обучена и постоянно упражняется, получая извѣстныя награды и отличія. Наконецъ, она снабжена всевозможными боевыми снарядами, какіе имѣются въ настоящее время и у другихъ государей.

Многіе націи и могущественные народы, окружающіе это великое Государство, побуждаютъ меня сказать о нихъ нѣсколько словъ, ибо мнѣ кажется, что очень важно познакомиться съ ними для пониманія этого, поистинѣ утомительнаго моего донесенія, которое, чѣмъ больше я обѣщаю говорить о нихъ, тѣмъ становится обширнѣе. Итакъ, начинаю.

---

[74] Въ Валлич. сп.: Ferraruoli.

[75] .... che hanno fatto l'opposito in tempo di guerra...

[76] См. прил. XXXV.

[77] Въ Валлич. сп.: cavalleria.

Къ востоку отъ р. Волги тянутся обширныя пустыни и равнины, населенныя Скиѳами, т. е. Татарами или Амаксобіами (Amaxobii)[78], народомъ звѣрскимъ и дикимъ. Они вѣчно кочуютъ съ мѣста на мѣсто, ибо у нихъ нѣтъ ни зáмковъ, ни городовъ, ни рвовъ, ни укрѣпленій, которые имъ нужно было бы защищать; но у нихъ безконечное множество конныхъ стрѣлковъ изъ лука, которые въ сраженіи обыкновенно не щадятъ непріятеля. Они не были знакомы съ богатствами и не умѣли цѣнить ихъ, подобно тѣмъ, которые жили въ кибиткахъ, покрытыхъ кожами и войлоками[79]. Теперь же, благодаря сосѣдству съ другими народами, они нѣсколько цивилизовались, лучше цѣнятъ богатства и жизненныя (humane) удобства; поэтому они сильно страдаютъ, привыкая переносить холода и вѣчные снѣга. Они питаются дичью и кониной, которую чаще всего ѣдятъ въ сыромъ видѣ. Солнце, луну и звѣзды они почитаютъ за боговъ, потому что не имѣютъ понятія ни о какой другой религіи; но со времени ихъ Императора Тамерлана (Tamberlano; Tamerlane), извѣстнаго также подъ именемъ Темиръ-Кутлу (Thermir-corlilu; Temir-colù) изъ Самарканда (Servaconda; Samarcanda), который въ одномъ большомъ сраженіи счастливо побѣдилъ Баязета (Bajeserl; Bajazet) Оттоманскаго[80] и со своимъ побѣдоноснымъ войскомъ разграбилъ Азію и Сирію,—они приняли въ извѣстныхъ чертахъ, указанныхъ имъ, три закона—еврейскій, христіанскій и магометанскій. Когда же скончался Императоръ Тамерланъ,[81] упомянутые выше Татары вернулись въ свою обширную страну, по которой большія путешествія совершаютъ, руководясь звѣздами, чего другіе, [пожалуй], и не сдѣлали бы; но поступая такъ, можно быть увѣреннымъ въ безопасности за свою жизнь. Они дѣлятъ свое государство (dominio) на орды, изъ коихъ каждую можно назвать собраніемъ (vaguanza) народа [въ одно цѣлое], подобно Гризонамъ (Grisoni) и Швейцарцамъ, которые дѣлятся по кантонамъ. Ихъ орды безграничны, ибо Татары эти занимаютъ всѣ равнины по направленію къ Восточному океану (l'oceano orientale) вплоть до весьма извѣстнаго города (città) (sic) Китая (Cataio). Во главѣ каждой орды стоитъ предводитель (capitane), [получающій власть] по наслѣдству отъ родственниковъ или вслѣдствіе [своей] храбрости, ибо они часто воюютъ съ сосѣдями, а изъ-за власти и между собою[82]. Нынѣ же потомокъ вышеупомянутаго Тамерлана, Тигранъ (Tigrane), пользуясь своею извѣстностью и расположеніемъ [къ нему] многихъ ордъ, которое онъ пріобрѣлъ, благодаря какой-то своей суевѣрной религіи и [особой] формѣ правленія, захватилъ власть надъ многими татарскими ордами, какъ будетъ сказано [объ этомъ] ниже.

---

[78] Названіе татаръ у древнихъ

[79] См. прил. XXXVI.

[80] Битва при Ангорѣ въ 1402 г. Баязетъ I (1389—1402).

[81] Ум. въ 1405 г.

[82] См. прил. XXXVII.

Перекопскіе Татары (Tartari precopiti) пришли съ Волги, гдѣ у нихъ было много государей скиѳскаго происхожденія, которые, раздѣливъ, наконецъ, власть между собою, владѣютъ [нынѣ] обширными странами. Но Мигареттъ Монгарскій (Modeto Migáreso; Migasetto или Migaretto Mongarese) въ недавнее время пошелъ [войною] на Тану, имѣя 80.000 конницы; побѣдитель разграбилъ [сначала] область у Меотидскаго болота, потомъ у р. Брисны (Brisna), и овладѣлъ Херсонесомъ Таврическимъ, гдѣ находится Ѳеодосія, называемая нынѣ Кафой. Этотъ Мигареттъ, чтобы безопасно держаться въ Европѣ противъ Поляковъ (Polacchi) и Роксолановъ (Rosolani), вырылъ ровъ, [длиною] въ милю, отъ Цабаки (Zabacha; Tubacha) до Великаго моря и укрѣпилъ его постояннымъ валомъ, который называется „Ахилловымъ Бѣгомъ“ (il Dromo di Achille)[83].

Есть еще такъ называемые Серемійскіе (Seremii) Татары[84], живущіе въ Ваикѣ (? Vaica; Rassia); они весьма богаты и хорошо вооружены; нынѣ они подвластны Москвитянамъ, какъ уже было сказано [выше]. Есть тамъ также Татары Казанскіе (Cassamii; Cascarii), живущіе за Волгой; Татары Пермскіе (Permii) и Печорскіе (Picerі); также Татары Югрскіе (Hugri) и Вогульскіе (Huguhici)[85]. Къ сѣверу [отъ нихъ] живутъ такъ называемые Каламскіе (Scalmi; Scalami) Татары[86], а за ними—безчисленное множество другихъ.

Татары Ногайскіе (Nogai; Istogai) въ настоящее время весьма извѣстны своими богатствами и военными силами; у нихъ нѣтъ Государя, но ими управляютъ лучшіе, мудрые и опытные мужи, какъ и въ нашей свѣтлѣйшей Республикѣ Венеціанской[87]. Ногайскіе Татары живутъ немного далѣе къ югу по направленію къ Гирканскому морю[88]; у нихъ есть прекрасные крѣпости и города; сами они весьма цивилизованны.

---

[83] Цабака, Тубака—Азовское море, которое прежде называлось Цабакскимъ или Забакскимъ. Перекопскій перешеекъ извѣстенъ былъ подъ назв. Цукала (Zuchala); онъ имѣетъ въ ширину 7 верстъ (=1 миля). Босфорскій царь Асандръ въ 948 г., по свидѣт. Страбона („Географія“, VII, 4), построилъ на этомъ перешейкѣ каменную стѣну, укрѣпивъ ее, на протяженіи каждой стадіи, башнями.

[84] Еромійскіе? Отъ города Еромъ? См. выше, прим. 59.

[85] Печоряне—народъ финскаго происхожденія—жили по р. Печорѣ и вмѣстѣ съ Пермью были покорены Іоанномъ III въ 1472 г. Вогуличи занимали сѣверную часть Уральскаго хребта, лежащую между р. р. Чусовою и Усою, и большую полосу земли съ восточной стороны горъ. Вся эта область прежде называлась Югріей; кромѣ вогуличей, въ ней жили еще обскіе остяки. Югрія окончательно вошла въ составъ Московскаго государства въ 1499 г.

[86] Они, по свидѣт. Герберштейна, жили по лѣвому берегу р. Оби.

[87] См. прил. XXXVIII.

[88] Въ XVI в. ногайскіе татары были раздѣлены уже на двѣ орды—малую и большую. Первая кочевала въ нынѣшней Кавказской области къ сѣверу отъ Кубани и Кумы, а послѣдняя, по свидѣт. Гваньини, тянулась на востокъ отъ Казанскаго царства по берегамъ Каспійскаго моря и р. Урала.

Татары Джагатайскіе (Zagattai) по своей знатности превосходятъ всѣхъ другихъ Татаръ[89]. Въ ихъ [владѣніяхъ] находится Самаркандъ (Sarmiconda), городъ большой, знаменитый и извѣстный своею торговлей; черезъ него протекаетъ неизмѣримо огромная рѣка Яксартъ (Ixarte), которая, выходя изъ Согдіаны (Sogodiana) и Индіи, течетъ на протяженіи 100 миль и впадаетъ въ море[90]. Не въ очень давнее время Джагатаи вели большія и опасныя войны съ Персидскимъ царемъ Софи (Sophi; Sofi), который боится ихъ, какъ и Селима Оттоманскаго: этому Селиму, Императору Турокъ, онъ отдалъ въ добычу Арменію и столицу своего государства Тавризъ[91]. Джагатаи проявляютъ нынѣ такое же величіе [духа] и снова стали друзьями Софіанцевъ (Sophini; Sofiani), заключивъ съ ними какъ бы договоръ.

Есть тамъ также острова Оркадскіе (Orchade) и Норвегія (Norvegia; Novergia); въ томъ заливѣ (?) безчисленное множество острововъ. Готія (Gotia) знаменита Готами (Gotti); есть тамъ Зеландія (Scelandia), называемая теперь Скандинавіей (Scandavia), откуда, какъ полагаютъ, вышли Лонгобарды. На этомъ островѣ[92] находится городъ Кьобенъ[-гавенъ] (Cobena; Tebena), королевская резиденція, отстоящая отъ Норвегіи на разстояніи одного дня морского пути.

Есть тамъ еще Лапландцы (Caponi; Laponi): они низкаго роста, съ безобразнымъ лицомъ и приплюснутымъ носомъ, [отличаются] тупостью и одарены необыкновенной быстротою ногъ. Они ведутъ самый жалкій образъ жизни, такъ что даже Москвитяне, ихъ сосѣди, не знаютъ ихъ и не даютъ себѣ труда узнать. Имѣющіеся у нихъ горностаевые мѣха они обмѣниваютъ на разнаго рода товары. Избѣгая всякой торговли и [даже] вида купцовъ, они производятъ обмѣнъ [такимъ образомъ: на условленномъ мѣстѣ] оставляютъ товары, а сами скрываются; и имъ нравится тотъ изъ посланныхъ [купцовъ], кто справедливо вымѣниваетъ[93].

Она извѣстна также подъ именемъ „Синей Орды“. (Замысловскій, op. cit., 388—389).

[89] Джагатаи нѣкогда входили въ составъ обширнаго государства, обнимавшаго собою зап. Сибирь, Туркестанъ и Трансоксанію.

[90] Яксартъ—нынѣ Сыръ-Дарья. Согдіана—древняя персидская область, находившаяся между теченіемъ р. р. Окса (Аму-Дарьи) и Яксарта и состоявшая изъ нынѣшней Бухары и малаго Тибета.

[91] См. прил. XXXIX.—Шахъ Измаилъ ас-Сефи (1501—1524) потерпѣлъ отъ Селима I (1512—1520) при Чальдиранѣ рѣшительное пораженіе (24 авг. 1514 г.). Послѣдствіями побѣды турокъ были—занятіе тогдашней столицы Персіи, Тавриза, и завоеваніе Месопотаміи, Курдистана, зап. Арменіи и части Азербейджана. Солиманъ II Великолѣпный (1520—1565) отнялъ у шаха Тамасака (1524—1576) и остальную часть Азербейджана (1534).

[92] Скандинавія (нынѣшнія Швеція и Норвегія), по мнѣнію древнихъ, составляла отдѣльный островъ.

[93] См. прил. XL.

Кромѣ вышеназванныхъ народовъ, есть тамъ также Пигмеи: когда они достигаютъ полнаго развитія, то [своимъ ростомъ] не превышаютъ нашего мальчика десятилѣтняго возраста. [Это]—народъ трусливый и боязливый; свою рѣчь они выражаютъ только щебетаніемъ; да и [вообще] они похожи на обезьянъ[94].

Россіяне (Rossiani), Поляки, Венгры и Трансильванцы (Transilvani)—все это народы, родственные намъ. Нужно сказать, что дальняя (ulteriore) Россія, называемая Бѣлой, подвластна Москвитянамъ; часть ея принадлежитъ имъ, а часть—Полякамъ.

Есть тамъ еще Литовцы, которые почти послѣдними изъ [всѣхъ] европейскихъ народовъ оставили язычество, что̀ произошло въ княженіе Витовта (Visoldo; Vitoldo). Народъ этотъ славится своею конницей, отъ которой Польскій король получаетъ большую помощь; вся конница ихъ легкая.

Кромѣ вышеперечисленныхъ, есть тамъ еще иные народы, съ которыми трудно познакомиться во время путешествія по этой странѣ. О нихъ ходятъ баснословные разсказы, несмотря на то, что нѣтъ возможности побывать въ ихъ предѣлахъ. У океана, какъ разсказываютъ, живетъ какой-то народъ, который бо́льшую часть [времени] проводитъ въ водѣ и питается исключительно сырою рыбой. Эти люди, подобно рыбамъ, покрыты чешуею и, вмѣсто [членораздѣльной] рѣчи, издаютъ какой-то свистъ. Одного изъ такихъ я самъ видѣлъ въ Нормандіи, какъ, [впрочемъ], видѣли и многіе другіе; поэтому я и могу утверждать, что онъ похожъ на чудовище; такимъ я вамъ и описываю его.

Есть тамъ также Сетрипоны (Setriponi), народъ звѣрскій и свирѣпый. Они совсѣмъ лишены способности членораздѣльной рѣчи и цивилизаціи, и ѣдятъ въ сыромъ видѣ пойманныхъ ими людей. Они живутъ среди неприступныхъ горъ и дремучихъ лѣсовъ, куда они скрываются, когда на нихъ нападаютъ. Одѣваются они въ шкуры медвѣдей и другихъ звѣрей. У нихъ свирѣпое лицо, распущенные волосы, пронзительный и невнятный голосъ. Увидѣвъ что-нибудь необыкновенное, они страшно мычатъ[95]. Я видѣлъ одного изъ нихъ, [пойманнаго] живымъ и привезеннаго въ Норвегію (Orbegia; Norvegia); онъ всѣхъ удивилъ и поразилъ. Кажется, онъ былъ молодъ: лѣтъ двадцати, ростомъ 20 футовъ, весь въ волосахъ, большіе и красные глаза. Онъ наводилъ страхъ и ужасъ на тѣхъ, кто на него пристально смотрѣлъ. Въ концѣ концовъ, въ немъ было больше звѣринаго, чѣмъ человѣческаго.

---

[94] См. прил. XLI.

[95] Сетрипоны, очевидно, это—Серпоновцы (Serponòvutzi) Герберштейна. Онъ разсказываетъ, что народъ этотъ получилъ свое имя отъ крѣпости Серпонова, лежащей въ Лукоморьѣ, на горахъ за рѣкою Обью. Серпоновцы, по его словамъ, ведутъ торговлю съ жителями Лукоморья, которые будто-бы умираютъ ежегодно 27 ноября, а на слѣдующую весну, чаще всего къ 24 апрѣля, ожи-ваютъ вновь („Зап. о Моск. дѣл.“, 130 Б).

На сѣверѣ и сѣверо-западѣ лежитъ вѣчно-туманная страна. День тамъ короче трехъ часовъ. Здѣсь живутъ дикія и боязливыя племена. Разсказываютъ также, что за мертвымъ моремъ (il mar morto) [царитъ] уже вѣчная ночь. Однако и здѣсь живутъ люди (gente). Они бываютъ здѣсь недолго, но все время дѣйствуютъ съ увѣренностью, ибо нашъ Императоръ для изслѣдованія всей [этой области] послалъ [сюда] свѣдущихъ людей.

Чрезвычайные труды, предпринятые мною въ цѣляхъ открытія новаго, почти небывалаго пути въ Индію для вывоза оттуда пряностей, [привели меня къ тому, что] послѣ многихъ затрудненій, заботъ и [даже] опасности для жизни я нашелъ, что изъ далекой Индіи можно провозить пряности вверхъ по р. Инду (Indo), и пройдя черезъ горы (что̀ составляетъ непродолжительный путь), плыть по широкой рѣкѣ Бактрянъ, Оксу (Osio),[96] которая беретъ свое начало почти изъ тѣхъ же горъ, что̀ и р. Индъ, и впадаетъ большимъ потокомъ, въ Гирканское море у порта Страны (Straia; Strana)[97], увлекая за собою множество рѣкъ. Отъ порта Страны идетъ легкій и безопасный путь до Астраханскаго базара и устья р. Волги, [текущей] въ противоположномъ направленіи отъ р. Инда; [потомъ] все вверхъ по Волгѣ, Окѣ и Москвѣ до главнаго города Московіи, [оттуда] сухопутьемъ до Риги (Righa; Niga), наконецъ, по Сарматскому морю (nel mar di Salmatia, Delmatia)[98] и р. Танаиду (Tanai). Отсюда по Большому морю (mare maggiore)[99] пряности легко можно было бы перевозить въ Венецію. Такимъ образомъ, можно было бы повредить Лузитанцамъ, которые, подчинивъ себѣ бо́льшую часть Индіи, владѣютъ всѣми рынками и скупаютъ пряности. Они стараются для Испаніи, продавая ихъ много дороже обыкновеннаго; поэтому по всѣмъ берегамъ Индійскаго моря они держатъ военные корабли для наблюденія за тѣмъ, чтобы сюда не приходили другіе; такъ что постороннихъ [здѣсь дѣйствительно] мало, и они оставили эту торговлю, которую [прежде] вели черезъ Персидскій заливъ, вверхъ по р. Евфрату и черезъ Аравійскій морской проливъ по теченію р. Нила въ наше море[100]. Такимъ образомъ, они снабжали всю Азію и Европу товарами лучшаго качества и за болѣе низкую цѣну, нежели Португальцы, у которыхъ пряности отъ долгаго пути и продолжительнаго ле-

---

[96] Аму-Дарья.

[97] Страна (Strana), Эстрана (Estrana), Страва (Strava)—испорченное названіе Астрабада, главнаго города небольшой персидской провинціи того же имени. Городъ Астрабадъ или Эстерабадъ находится въ 10 миляхъ отъ Каспійскаго м. и построенъ, какъ полагаютъ, въ концѣ перваго столѣтія Эгиры арабскимъ полководцемъ Эзидъ-Ибнъ-Маглубомъ. О существованіи у р. Окса (Аму-Дарьи) иного русла или особаго притока, впадавшаго въ Каспійское м., свидѣтельствуютъ нѣкоторые географы, путешественники и писатели, въ томъ числѣ и П. Іовій (см. ниже, прил. XLII).

[98] Т. е. Балтійское море.

[99] Такъ венеціанцы и генуэзцы называли Черное море.

[100] Т. е. Средиземное море.

жанія въ лиссабонскихъ складахъ теряютъ свою силу, вкусъ и естественный запахъ; но что всего хуже, [такъ это то, что] они всегда оставляютъ для себя лучшіе и болѣе свѣжіе [товары], обыкновенно пуская въ продажу испорченные и старые[101].

Кромѣ того, нашлись нѣкоторые отважные люди, готовые открыть Океанъ съ этой стороны: они разсказали, что р. Двина (Dividua; Dwina), увлекая за собою множество рѣкъ, стремительнымъ теченіемъ направляется къ сѣверу, гдѣ находится такое неизмѣримое море, что, плывя изъ Индіи въ Китай (Catagio; Catajo) вдоль праваго берега, можно удобно пройти [сюда] съ кораблями; ибо Китай находится на самомъ отдаленномъ востокѣ, почти на одной параллели съ Тагоджею (Zacagia; Tagogia)[102]. Лузитанцы познакомились съ Китаемъ въ Индіи во время своихъ [морскихъ] переѣздовъ отъ Молуккскихъ острововъ до Золотого Херсонеса[103], [предпринимаемыхъ ими] для захвата пряностей; они привозятъ [также] собольи мѣха. Все это указывало отважнымъ людямъ на [новый] путь, и они представили себѣ, что Китай совсѣмъ не такъ далеко отстоитъ отъ береговъ Скиѳіи (Schiria; Siria)[104]; поэтому разсказывали, что тамъ есть путь еще болѣе легкій, нежели описанный выше, и намѣревались совершить по нему новое путешествіе; причемъ нѣкоторые[105] опытные космографы, желая провѣрить ихъ и облегчить имъ путешествіе, [сами] пустились въ путь.

Поэтому для поощренія ихъ нашъ Императоръ Иванъ (Juan) назначилъ большія награды, въ надеждѣ, съ открытіемъ пути, устроить водное сообщеніе, отчего сильно возрастутъ таможенные сборы и пошлины, а цѣны на пряности, которыя его Москвитяне употребляютъ въ большомъ количествѣ, значительно понизятся[106]. [Словомъ], всѣ очень рады и возлагаютъ [на это] большія надежды. Нашъ Господь Богъ вѣдаетъ все, и пусть будетъ такъ, какъ Онъ соизволитъ; если же въ наши дни Онъ посылаетъ намъ такую радость, то Его милость, можно сказать, проявляется во всякомъ открытіи великихъ тайнъ Космографіи; и я, благодаря Его милости, съ большею увѣренностью и подробнѣе могу обо всемъ увѣдомлять васъ.

Исключительныя по своимъ размѣрамъ военныя приготовленія, начинающіяся здѣсь, и [все] ужасное, что̀ совершается по этой причинѣ, побуждаютъ меня написать, почему, по моему мнѣнію, и вамъ не слѣдуетъ оставаться въ полномъ бездѣйствіи. Недавно получено достовѣрное [извѣстіе], что Король Испанскій собираетъ огромное войско и дѣлаетъ необыкновенныя [военныя] приготовленія[107], что во Франціи религіозныя волне-

---

[101] См. прил. XLII.

[102] У П. Іовія: „на одной параллели съ Ѳракіею“...

[103] Такъ въ древности назывался нынѣшній Малаккскій полуостровъ.

[104] См. прил. XLIII.

[105] Въ Ватик. сп.: molti.

[106] См. прил. XLIV.

[107] Дѣйствительно, въ это время Филиппъ II Испанскій (1556—1598) велъ войну съ Генрихомъ II Французскимъ.

нія[108], а Императоръ[109] находится въ совершенномъ бездѣйствіи и не можетъ оказать помощи: оттого онъ и сталъ данникомъ Турецкаго Султана, къ позору Римской Имперіи. Это было для меня такъ непріятно, что я едва не умеръ отъ горя. Почти такое же впечатлѣніе произвело это [извѣстіе] и на нашего Императора, однако онъ не повѣрилъ ему и нѣсколько успокоился. Поэтому я ясно доказалъ ему всю невозможность подобнаго происшествія, ибо, еслибы Римскій Императоръ, по своему малодушію, и захотѣлъ совершить этотъ позорный поступокъ, могущественная Германія никогда не дала бы на то своего согласія; почему нашъ Императоръ нарочно отправилъ пословъ, чтобы удостовѣриться въ этомъ. Бѣгство Баязета (Bayfir; Bajazet) отъ отца давало оружіе въ руки азіатамъ[110]; думали, что то же произойдетъ въ Европѣ и Африкѣ, и что начало этому уже положено, ибо нашъ Императоръ разбилъ на голову Перекопскихъ Татаръ, изрубивъ въ куски (tagliandone a pezzi) болѣе 300.000 человѣкъ; онъ и совершенно истребилъ бы ихъ, еслибы Турецкій Султанъ не оказалъ имъ помощи, ([правда], болѣе на словахъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ)[111]. Поэтому нашъ Императоръ поклялся совсѣмъ истребить ихъ, а потомъ начать войну противъ самого Султана, какъ несправедливо и изъ [одной] жажды крови захватившаго Греческую Имперію. Но нашего Императора сильно безпокоило [то обстоятельство], что Король Польскій,

---

[108] Въ описываемое время во Франціи шла упорная религіозно-политическая борьба между католиками и гугенотами.

[109] Фердинандъ I (1556—1564).

[110] Баязетъ—младшій сынъ Солимана II Великолѣпнаго. Когда янычары, недовольные его старшимъ братомъ Селимомъ (будущимъ султаномъ Селимомъ II), стали громко выражать свое возмущеніе и презрѣніе къ нему, Баязетъ взялся за оружіе въ Караманіи, находившейся подъ его управленіемъ. Началась междоусобная война. Солиманъ выступилъ противъ своего взбунтовавшагося сына. Баязетъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Персію. Его отецъ и братъ настойчиво потребовали его выдачи отъ шаха Тампсака. Шахъ выдалъ Баязета, который и былъ удавленъ вмѣстѣ со своими пятью сыновьями (1561).

[111] Здѣсь авторъ разумѣетъ, очевидно, войну Іоанна IV съ крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ (1555—1559). Война эта была очень неудачна для хана.—Цыфра въ 300.000 убитыхъ татаръ, конечно, сильно преувеличена. Замѣчаніе автора о турецкомъ султанѣ справедливо на половину. Іоаннъ прекратилъ побѣдоносную войну съ ханомъ не потому, что султанъ оказалъ крымцамъ помощь, а изъ боязни, какъ бы дальнѣйшіе успѣхи не вовлекли его въ войну съ Турціей, которая находилась тогда на такой высокой степени могущества, что вся зап. Европа трепетала ея. Крымскій ханъ, какъ магометанскій владѣтель и подручникъ султана, да и всѣ южные татары видѣли въ послѣднемъ своего духовнаго и свѣтскаго владыку. Весьма естественно поэтому, что Іоаннъ, утомленный въ предыдущіе годы тяжелою войной за обладаніе Казанскимъ и Астраханскимъ царствами, воспользовался первымъ крупнымъ успѣхомъ и поспѣшилъ заключить съ ханомъ выгодный для себя миръ.

по просьбѣ Султана, нарушилъ съ нимъ перемиріе. Нынѣ онъ жестокими набѣгами опустошаетъ Польшу, для чего поднялъ татарскихъ кочевниковъ, которые [прежде] постоянно разоряли его страну[112]. Поэтому онъ не преминулъ начать большія приготовленія къ войнѣ, чтобы обрушиться (per ruinar; rovina di) на Польскаго Короля, который опасно заболѣлъ и оттого началъ переговоры, въ твердой надеждѣ на успѣхъ; ибо Богъ хочетъ этого для спасенія [всего] христіанства; и если это случится, въ будущемъ году вы услышите о величайшихъ событіяхъ[113]. Теперь нашъ Императоръ ведетъ переговоры съ Софи [Персидскимъ] о войнѣ съ Турками, предлагая, въ полномъ согласіи съ нимъ, прекратить всѣ другія войны и стремиться къ разоренію Перекопскихъ Татаръ и Турокъ, а также къ сильному опустошенію ихъ страны всякаго рода военными выступленіями. Софи дѣлаетъ большія приготовленія къ войнѣ съ Турецкимъ Султаномъ; а чтобы быть болѣе свободнымъ, онъ заключилъ соглашеніе съ Джагатайскими Татарами, [прося] ихъ не только позабыть взаимныя обиды, но и помочь ему противъ Турокъ. Это тѣ самые [Джагатаи], которые при Селимѣ Оттоманскомъ надѣлали столько хлопотъ Софіанцамъ (Sophiani), что тѣ въ отчаяніи оставили Арменію и столицу Тавризъ въ добычу Туркамъ. Софи привлекъ на свою сторону также и дикіе народы Грузіи (Giorgiani popoli ferocissimi): они христіане, и способны не только защищаться, но и нападать на Турокъ. У нихъ не было прежде ни артиллеріи и ружей, ни многочисленнаго войска; но теперь они стали весьма способными [къ веденію войны] и прекрасно снабжены всякаго рода оружіемъ и артиллеріей. Софи также въ хорошихъ отношеніяхъ съ Гирканцами (Hircani)[114], Аланами (Allani), царемъ Босфорскимъ, ([государемъ] весьма дикаго народа) и другими народами и государями. Говорятъ, что Турецкій Султанъ объявилъ войну царю Софи и, къ [большому] вреду его, пришелъ [въ Персію] съ войскомъ болѣе, чѣмъ въ 500.000 человѣкъ; но [до сихъ поръ] не имѣлъ съ нимъ даже небольшого столкновенія: не потому, что былъ

---

[112] Не вѣрно. Въ описываемое время польскій король не нарушалъ „вѣчнаго“ мира 1522 года. Въ 1549 г., въ виду напряженнаго состоянія обѣихъ сторонъ, между Іоанномъ и Сигизмундомъ II Августомъ заключено было перемиріе на 5 лѣтъ; въ 1556 г. оно было продолжено еще на 6 лѣтъ. Лишь въ 1563 г. началась война; но тогда автора Relazione въ Москвѣ уже не было. Что касается мобилизаціи кочевниковъ противъ Польши, то до февраля 1558 г., когда крымскій царевичъ опустошилъ Подолію, о ней до сихъ поръ ничего не было извѣстно. Сообщеніе же автора о томъ, что починъ этой мобилизаціи принадлежалъ Іоанну, исторически ничѣмъ не подтверждается. Напротивъ, послѣ нападенія крымцевъ на Подолію (февраль 1558 г.) Грозный предложилъ Сигизмунду-Августу союзъ противъ крымскаго хана.

[113] Въ это время въ Москвѣ, дѣйствительно, шли большія приготовленія къ войнѣ со Швеціей изъ-за Ливоніи (1554—63); первые 2—3 года она велась довольно неувѣренно.

[114] Гирканъ—нынѣ Ширванъ.

неподготовленъ, а вслѣдствіе недостатка мужества. Третій сынъ Софи такой храбрый и прекрасный полководецъ, что и [самъ] онъ, и почти всѣ его поступки служатъ предметомъ удивленія и восхищенія для всѣхъ. Турецкій Султанъ всячески старается разузнать о настроеніи Татаръ, но ему ничего не удается. Кажется, Богъ, счастье и весь свѣтъ благопріятствуютъ Софіанцамъ. По этому можно судить, что, какъ бы Султанъ ни хвалился, онъ не будетъ имѣть успѣха, терпя постоянныя неудачи въ войнѣ съ Софи. Что̀ послѣдуетъ [за этимъ], вы узнаете изъ многихъ другихъ источниковъ.

Нашъ Императоръ, заключивъ перемиріе или миръ съ Королемъ Польскимъ, [всѣ свои] военныя приготовленія направилъ противъ Татаръ и Турокъ. Между царемъ Софи и имъ, какъ уже сказано выше, достигнуто прочное соглашеніе, такъ что, опустошая [владѣнія] Турецкаго Султана со многихъ сторонъ, они надѣются одержать [надъ нимъ] побѣду, пользуясь которой, одинъ можетъ изгнать его изъ Европы, другой—изъ Азіи.

Тигранъ, сынъ Алипета Альвиранскаго (Alipeth di Alciozane, d' Alvirane), потомокъ великаго Тамерлана изъ Самарканда (Sermiconda), Императора Татарской Орды, родился отъ матери-христіанки, которая воспитывала и обучала его до 15 лѣтъ. Потомъ воспитаніе его перешло въ руки наставника-магометанина, который [прежде] исповѣдывалъ іудейство; [такимъ образомъ], онъ познакомился съ тремя религіями. Послѣ того, какъ отецъ его, изгнанный изъ Самарканда [враждовавшими] партіями, [почти] умиралъ, Тигранъ чудеснымъ образомъ спасъ ему жизнь, вернулся [затѣмъ] въ одну изъ Татарскихъ Ордъ въ землѣ Орбаджѣ (Orbagia) и здѣсь, вдали отъ общенія съ людьми, предался занятіямъ. Въ теченіе своей жизни онъ далъ этому народу, подъ именемъ религіи, понятія о почестяхъ и богатствахъ, удовольствіяхъ и удобствахъ утонченной жизни, называемой людьми дарами человѣческаго счастья, [понятія] о томъ, что̀ есть истинное несчастье и насмѣшка судьбы. Съ удивительною твердостью духа онъ переносилъ бѣдствія, и, однако, проповѣдью своей суевѣрной религіи, быть можетъ, не совсѣмъ понятой, и распространеніемъ нѣкоторыхъ своихъ мнѣній онъ никого не убѣдилъ [въ томъ], что послѣ смерти—будь то еврей, христіанинъ или магометанинъ—нельзя войти въ Царство Небесное безъ соблюденія всѣхъ трехъ законовъ, т. е. Ветхаго Завѣта, Новаго и Алькорана. Эти три закона, данные людямъ божественнымъ хотѣніемъ, совсѣмъ не противорѣчатъ другъ другу (кто захочетъ ихъ правильно понять), но одинъ прекрасно поясняетъ другой. Моисей обѣщалъ [пришествіе въ міръ] ожидаемаго Христа, а Магометъ, разъясняя Евангеліе, говоритъ, что онъ пришелъ не нарушить законъ, а исполнить его; кромѣ того, онъ говоритъ: „я имѣю сказать вамъ многое, что̀ не написано въ книгѣ этой“. Такимъ образомъ, [эти] законы нисколько не противорѣчатъ другъ другу, но хорошо согласованы [между собою]; и такъ какъ на припятіе ихъ міромъ была божественная воля, то они будутъ въ силѣ еще [цѣлыя] столѣтія. Раздѣленіе этихъ законовъ произошло по людской злобѣ, въ про-

тивность волѣ божіей. Многія тонкости ихъ произвели [потомъ] такое раздѣленіе, раздоры и расколъ, какіе мы наблюдаемъ въ настоящее время; ибо ученіе это было разъяснено при помощи вѣроломныхъ еврейскихъ раввиновъ, мелочныхъ и придирчивыхъ христіанскихъ богослововъ и грубыхъ (bestiali) магометанскихъ истолкователей. Одни и тѣ же законы сами собою раздѣлились и были по разному истолкованы Евреями—караимами и талмудистами (Abducei et Subducei), Христіанами—папистами и лютеранами, Магометанами—суннитами и [послѣдователями] Али (Ali) и, безъ преувеличенія говоря, другими безчисленными сектами и толками (divisioni), упоминать о которыхъ было бы слишкомъ долго.

Тигранъ убѣждаетъ поэтому въ необходимости обрѣзанія, установленнаго, подобно крещенію, издавна. [Послѣднее] нужно [совершать] надъ человѣкомъ въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ въ рѣкѣ и съ произнесеніемъ простыхъ словъ, т. е. „во имя Отца, Сына и Св. Духа“. Должно соблюдать не субботу, воскресенье или пятницу, какъ поступаютъ Евреи, Христіане и Магометане, а четвергъ, когда Господь Богъ закончилъ твореніе міра; въ этотъ же день истинный Сынъ Его, принося въ жертву самого себя, причастилъ своихъ учениковъ. Въ указанный день нужно совершать жертвоприношеніе надъ агнцемъ, телицей или другимъ животнымъ, и только по совершеніи этого человѣкъ въ воспоминаніе долженъ причаститься хлѣбомъ и виномъ. Молиться слѣдуетъ простыми словами и три раза въ день, т. е. утромъ, въ полдень и вечеромъ должно прославлять и благодарить Бога. Молитва „Отче нашъ“ необходима для спасенія души; другіе же—псалмы, молитвословія и гимны, какъ творенія благочестивыхъ людей, нужно пѣть въ память событій, совершившихся во исполненіе закона. Покланяться Богу должно не въ какомъ-либо храмѣ, а подъ открытымъ небомъ, какъ этому учили Моисей и Іисусъ Христосъ; [послѣдній] сказалъ, что одни покланяются горѣ, говоря съ нею лицомъ къ лицу, другіе—Отцу. Человѣкъ во время молитвы долженъ обращаться лицомъ къ востоку, ибо такъ молился Моисей.

Бракъ—зло, ибо мужчину, рожденнаго свободнымъ, онъ дѣлаетъ рабомъ, а женщину—рабыней; [но] Богъ хочетъ, чтобы всѣ мы были свободными, и человѣкъ, рожденный свободнымъ и свободной, есть истинный сынъ природы. Замужняя женщина во время своей беременности, подъ угрозой смерти, не иначе можетъ отдаваться другому, какъ послѣ развода со своимъ прежнимъ мужемъ,—и когда она откажетъ ему, жрецъ производитъ замѣну и отдаетъ эту женщину другому; такимъ образомъ, всѣ раздоры и драки, происходившіе между женой и мужемъ, прекращаются. Въ бракѣ, который заключаетъ мужчина съ женщиной, не слѣдуетъ давать какое-либо обѣщаніе, ибо оно нарушаетъ истинный бракъ человѣка, заключаемый единственно для рожденія дѣтей. Обѣтъ цѣломудрія противорѣчитъ повелѣнію Бога: растите, размножайтесь и наполняйте землю; [противорѣчитъ онъ] и природѣ, которая требуетъ того же. Цѣломудріе, соблюдаемое для служенія Богу, не должно отличаться строгостью; обязанности, [предписываемыя] религіей, есть плодъ человѣческаго измышленія и ежедневно

нарушаются плотью. Монастыри, это—клоаки чувственности, ибо [иноки] грѣшатъ болѣе помысломъ, нежели тѣломъ, что̀ противно и Богу, и всему свѣту (agli huomini del mondo).

Въ праздникъ четверга не слѣдуетъ плясать, пѣть, играть на музыкальныхъ инструментахъ, забавляться играми или вообще заниматься [какимъ-либо] пустымъ дѣломъ; [этотъ день] человѣкъ долженъ [посвящать] исключительно благодаренію Бога отъ всего сердца.

Дѣтей слѣдуетъ воспитывать всѣхъ вмѣстѣ, ибо и природа безразлично питаетъ всякаго рода травы, растенія и животныхъ; точно также и человѣку нужно безъ всякаго различія воспитывать дѣтей, [рожденныхъ] по его подобію; не слѣдуя [въ данномъ случаѣ] природѣ, онъ презираетъ [тѣмъ самымъ] свой собственный образъ.

Жрецъ долженъ быть старцемъ лѣтъ 50-ти и всегда отличаться хорошимъ образомъ жизни. Жрецы совершаютъ публично жертвоприношеніе и причащаютъ только мужчинъ; женщина ни въ коемъ случаѣ не можетъ пріобщаться, ибо и Іисусъ Христосъ не причащалъ женщинъ. Онѣ обязаны являться на жертвоприношеніе и молитву, потому что всѣ вообще мужчины и женщины, добрые и злые духи, присутствовали при жертвоприношеніи, которое совершилъ надъ собою самъ Сынъ Божій. Богъ имѣетъ попеченіе обо всемъ, а человѣкъ заботится самъ о себѣ; сначала онъ долженъ трудиться для Бога, и [лишь] послѣ этого браться за свое дѣло.

Этими и тому подобными наставленіями Тиграпъ, при помощи развращенныхъ людей и искаженныхъ обязанностей древнихъ законовъ, снискалъ себѣ такую славу выдающагося праведника, что [сдѣлался предметомъ] прославленія и восхваленія сначала со стороны священниковъ, а потомъ—поселянъ; многіе же дошли до того, что онъ сталъ казаться имъ сверхчеловѣкомъ; такимъ образомъ, постепенно и какъ бы противъ его воли слагалось мнѣніе о его добродѣтели и святости. Руководя сосѣдними ордами, Тиграпъ наполнилъ всю ту землю своею славою и собственными чудесами; когда же этого показалось мало, было объявлено его новое толкованіе трехъ законовъ. Лица, способныя воспринять это ученіе, были убѣждены и утверждены въ вѣрѣ къ нему постоянными публичными и частными бесѣдами; и они признали его, [ибо думали], что за невѣріе будутъ подвергнуты адскимъ мученіямъ. Такимъ-то образомъ Тиграпъ руководилъ этимъ непостояннымъ народомъ по своему желанію и велъ по пути суевѣрій, пользуясь [для этой цѣли] своей красивой и сильной рѣчью, прекраснымъ лицомъ, величіемъ и знаніемъ человѣческаго духа. Его считали ближе къ богамъ, нежели къ людямъ, и онъ снискалъ себѣ имя Пророка и истиннаго истолкователя законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ [пользовался] такимъ огромнымъ вліяніемъ не только среди черни, но и у многихъ благородныхъ и богатыхъ людей, которые съ перваго же раза были поражены новизной этой суевѣрной религіи. Чтобы представить ихъ привязанность къ оставляемому ими старому ученію болѣе почетной и высокой, онъ превозносилъ его, какъ истинно добродѣтельное и достой-

ное, ибо, кромѣ красоты, онъ, какъ выдающійся притворщикъ, поражалъ всѣхъ своимъ нравомъ. Онъ также показывалъ видъ, что не стремится къ достиженію богатствъ, славы и власти, и это было причиною, что его послѣдователи передали все [это] въ его руки; нѣкоторые же потому еще болѣе содѣйствовали ему, что онъ [часто] повторялъ имя великаго Императора Тамерлана и [говорилъ] о своихъ чудесахъ въ нѣкоторой надеждѣ на то, что многія орды провозгласятъ его Императоромъ. Вслѣдствіе этого слава его возросла въ короткое время, а расположеніе [къ нему] людей способствовало укорененію [среди нихъ] упомянутаго его еретическаго ученія.

Тиграпъ образовалъ огромное войско, [состоявшее] болѣе, чѣмъ изъ 100.000 человѣкъ, и почетными подвигами [своими] снискалъ [себѣ] величайшую славу, ибо воины его смѣло совершали доблестные и славные подвиги. Разграбивъ неожиданно во время войны нѣкоторые богатые народы, хорошо снабженные оружіемъ, онъ надѣлялъ имъ свое войско, которое большею частью было безоружнымъ; а завлекая воиновъ добытыми богатствами, онъ тѣмъ самымъ съ каждымъ днемъ увеличивалъ и пріобрѣталъ себѣ бо́льшую славу. Тиграна стали называть Императоромъ свободы (Imperatore di libertà) и истиннымъ истолкователемъ законовъ.

Всѣ народы, добровольно подчинившіеся ему, онъ освободилъ отъ сборовъ, пошлинъ и [всякихъ] тягостей, какъ недостойныхъ истиннаго Императора. Онъ говорилъ, что, кто устанавливаетъ такіе налоги,—не истинный Императоръ, а народный тиранъ; что желательна [лишь] десятина, которую Богъ требуетъ по всѣмъ тремъ законамъ и что она необходима для покрытія расходовъ въ мирное и военное время. На всѣ мѣста онъ назначалъ военныхъ, людей мудрыхъ онъ выбиралъ для управленія, а молодыхъ и сильныхъ—для войны. Онъ хотѣлъ не той силы, которая охраняла бы лично его—что̀ недостойно истиннаго Императора,—но людей храбрыхъ, которые защищаютъ величіе государства. Его войска и солдаты были переписаны, хорошо организованы и получали отъ него большія отличія. Каждая орда поставляла соотвѣтствующую часть воиновъ, и онъ охотно принималъ тѣхъ, кто [добровольно] подчинялся ему: такимъ онъ предоставлялъ свободу, [заставляя] ихъ платить десятину, поставлять записныхъ солдатъ и получать отъ него законы; кто же поступалъ иначе, тѣхъ онъ отдавалъ въ добычу своимъ воинамъ. Поэтому всѣ призывали его и желали [подчиниться] ему; и онъ вмѣстѣ съ ними наводилъ на всѣхъ сильный страхъ. Ежедневно къ нему присоединялись новыя орды, такъ что, имѣй онъ артиллерію и стрѣлковъ, не прошло бы и много времени, какъ Азія и Сирія услышали бы шумъ его войска, какъ это было при Тамерланѣ. Когда это случится, вы узна́ете въ другое время.

Изъ Каспійскихъ горъ вышелъ также какой-то новый многочисленный народъ, который яростной войной безпокоитъ своихъ сосѣдей. Говорятъ, что это—новыя іудейскія племена, что еще Александръ Великій, призывая имя Бога Израиля, заперъ ихъ въ упомянутыхъ горахъ. Но такъ какъ я не имѣю точныхъ свѣдѣній объ этомъ народѣ, то не буду

говорить о немъ особо; быть можетъ, вы лучше узна́ете о немъ изъ другихъ источниковъ.

Среди многихъ предметовъ и разсужденій я не могу умолчать объ одномъ фактѣ, который принимаютъ здѣсь за истинное происшествіе; и такъ какъ о немъ нельзя говорить безъ смѣха, то, думаю, и вы точно такъ же отнесетесь къ нему. Я уже говорилъ вамъ, что въ Московіи въ большомъ изобиліи водятся пчелы, которыя живутъ не только въ ульяхъ (они употребляются [и здѣсь]); но встрѣчаются огромныя деревья, полныя меда, оставленнаго пчелами; и его иногда бываетъ такъ много, что онъ въ иные годы образуетъ [такъ сказать] озера. Одинъ крестьянинъ упалъ въ огромное дупло дерева, гдѣ въ большомъ изобили находился медъ; не успѣлъ онъ опомниться, какъ погрузился въ него по горло. Онъ кричалъ о помощи, но никто изъ путниковъ не могъ услышать его. Въ такой нуждѣ крестьянинъ въ теченіе двухъ дней питался этимъ медомъ. Наконецъ, онъ [уже] отчаялся въ спасеніи своей жизни, какъ ему помогъ удивительный случай. Къ тому дереву случайно пришла за медомъ медвѣдица и спустилась книзу съ ногами, какъ обыкновенно дѣлаемъ и мы. Крестьянинъ, ухватившись за ея [заднія] лапы, началъ кричать. Медвѣдица въ ужасѣ поспѣшила вылѣзть и [при этомъ] силою вытащила и его [115]. Случай поистинѣ любопытный и замѣчательный.

Теперь я разсказалъ вамъ, читатель мой (sic), обо всемъ, какъ обѣщалъ въ началѣ этого донесенія, хотя слѣдовало бы сказать еще о многихъ другихъ дѣлахъ этого величайшаго Государства и его Императора; [но] они, какъ менѣе важныя, чѣмъ описанныя выше, останутся въ сторонѣ. Итакъ, кончаю. Однако, это мое разсужденіе (letta; mio discorso letto) вы благоволите сохранить у себя; а я препоручаю васъ Богу.

---

[115] См. прил. XLV

Приложенія.

I.

Прежде всего сжато и кратко описано будетъ положеніе страны, очевидно, мало извѣстное Плинію, Страбону и Птолемею, и оно будетъ также воспроизведено на печатномъ чертежѣ. Затѣмъ, подражая Тациту, который выдѣлилъ небольшую книжку объ обычаяхъ Германцевъ изъ своего общаго историческаго труда, мы разскажемъ въ краткихъ словахъ объ обычаяхъ народа, его богатствахъ, религіи и воинскихъ уставахъ (*П. Іовій*, Книга о Московитскомъ посольствѣ, 252 АБ; Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, В. Семенова: *П. Іовій*, Книга о посольствѣ, 13).

II.

Названіе этого народа Московитами стало извѣстнымъ только недавно, хотя Луканъ упоминаетъ о Мосхахъ, смежныхъ съ Сарматами, а Плиній помѣщаетъ Московъ при истокахъ Фасида, выше Евксина, къ Востоку. Страна ихъ имѣетъ весьма обширные предѣлы, простираясь отъ жертвенниковъ Александра Великаго до самаго края земель и до Полуночнаго Океана почти подъ самымъ Сѣверомъ (257 А; Библ. ин. п., 22).

III.

Поверхность ея въ значительной части представляетъ равнину и изобилуетъ пастбищами, но лѣтомъ во многихъ мѣстахъ весьма болотиста. Это происходитъ отъ того, что вся эта страна орошается великими и частыми рѣками, которыя переполняются, когда снѣга отъ значительной солнечной теплоты начинаютъ сходить, и ледъ повсюду начинаетъ таять; черезъ это равнины повсюду превращаются въ болота, и всѣ дороги покрываются стоячими водами и илистой грязью до тѣхъ поръ, пока новая зима не скуетъ снова своею благодѣтельною силою разлившіяся рѣки и самыя болота, такъ что, покрытыя весьма крѣпкимъ льдомъ, они представляютъ собою дорогу даже для переѣзжающихъ по нимъ повозокъ. Значительную часть Московіи занимаетъ Герцинскій лѣсъ, но онъ тамъ и сямъ заселенъ, и повсюду въ немъ расположены строенія. Вообще, отъ продолжитель-

ной работы людей онъ сталъ уже гораздо рѣже, и внѣшность его не являетъ собою, какъ полагаетъ большинство, одни только весьма густыя рощи и непроходимыя урочища. Но разсказываютъ, что онъ переполненъ лютыми звѣрями и непрерывной полосою тянется по Московіи въ Сѣверо-восточномъ направленіи до Скиѳскаго Океана, такъ что безпредѣльная величина его всегда обманывала ожиданія любознательныхъ людей, старавшихся найти его конецъ (257 АБВ; Библ. ин. п., 22—23).

IV.

Съ востока сосѣдями Московіи являются Скиѳы, нынѣ именуемые Татарами (257 В –258 А; Библ. ин. п., 24).

V.

Литва... обращена къ Московіи со стороны дуновенія Сѣверо-Западнаго вѣтра, съ запада же средина Пруссіи и Ливоніи входитъ въ самые Московскіе предѣлы тамъ, гдѣ Сарматское море, разбиваясь о тѣснины Кимврскаго Херсонеса, лунообразнымъ заливомъ изгибается къ Сѣверу. На отдаленномъ же берегу этого Океана, гдѣ обширнѣйшія королевства, Норвегія и Швеція, соединяются съ материкомъ какъ бы на подобіе Перешейка, живутъ Лапландцы (259 В—260 А; Библ. ин. п., 27—28).

VI.

Съ юга границы Московитовъ замыкаются тѣми Татарами, которые занимаютъ равнину, обращенную къ Герцинскому лѣсу, выше Меотидскаго болота, въ Азіи и отчасти въ Европѣ, около рѣкъ Борисѳена и Танаида. Эту страну издревле населяли Роксоланы, Геты и Бастарны, откуда, по моему мнѣнію, пожалуй, возникло и названіе Руссіи, ибо часть Литвы называется нижнею Руссіей, а сама Московія бѣлою Руссіей (259 В; Библ. ин. п., 27).

VII.

Выше Казанскихъ Татаръ, къ Сѣверу живутъ Шибанскіе, могущественные множествомъ стадъ и людей. За ними живутъ Ногайскіе Татары... За Ногаями, если свернуть немного къ югу, въ направленіи къ Гирканскому морю, живутъ самые знаменитые изъ Татаръ, Загатайскіе (258 В—259 А; Библ. ин. п., 25—26).

VIII.

А когда мы спросили у Димитрія, нѣтъ ли у нихъ какого-нибудь передаваемаго изъ устъ въ уста отъ предковъ извѣстія о Готахъ, или не сохранилось ли какого-нибудь записаннаго воспоминанія объ этомъ на-

родѣ, который за тысячу лѣтъ до насъ низвергнулъ и державу Цесарей, и городъ Римъ, подвергнувъ его предварительно всевозможнымъ оскорбленіямъ, то онъ отвѣтилъ, что имя Готскаго народа и царя Тотилы славно у нихъ и знаменито, и что для этого похода собралось вмѣстѣ множество народовъ и преимущественно предъ другими Московиты. Затѣмъ, по его словамъ, ихъ войско возросло отъ притока Ливонцевъ и Приволжскихъ Татаръ, но Готами названы были всѣ потому, что Готы, населявшіе островъ Исландію или Скандинавію, явились зачинщиками этого похода. Государство Московитовъ ограничено со всѣхъ сторонъ главнымъ образомъ тѣми предѣлами, которые, по нашему мнѣнію, Птолемей далъ Модокамъ. Несомнѣнно, что ихъ нынѣшнее названіе происходитъ отъ рѣки Москвы, давшей свое имя и царственному городу, по срединѣ котораго она протекаетъ (262 БВ; Библ. ин. п., 32—33).

IX.

Это (Москва)—самый славный изъ всѣхъ городовъ Московіи какъ по своему положенію, которое считается срединнымъ въ странѣ, такъ и вслѣдствіе замѣчательно удобнаго расположенія рѣкъ, обилія жилищъ и громкой извѣстности своей весьма укрѣпленной крѣпости. Именно, городскія зданія тянутся длинной полосою по берегу рѣки Москвы на пространствѣ пяти миль. Дома въ общемъ деревянные..., не огромны по своей постройкѣ и не черезчуръ низки. Бревна огромной величины подвозятся для нихъ изъ Герцинскаго лѣса; когда ихъ сравняютъ по шнуру, то кладутъ одно противъ другого и скрѣпляютъ подъ прямыми углами, черезъ что наружныя стѣны домовъ строятся съ отмѣнной крѣпостью, безъ большихъ издержекъ и съ великой быстротою. Почти всѣ дома имѣютъ при себѣ отдѣльные сады..., отчего рѣдкій городъ представляется столь огромнымъ по своей окружности. Въ каждомъ кварталѣ есть отдѣльная церковь, а на видномъ мѣстѣ находится храмъ въ честь Богородицы Дѣвы, славный своимъ строеніемъ и величиною; его воздвигъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ Аристотель Болонскій, удивительный художникъ и знаменитый мастеръ. У самой главной части города впадаетъ въ рѣку Москву рѣчка Неглиная, которая приводитъ въ движеніе зерновыя мельницы. При впаденіи эта рѣчка образуетъ полуостровъ, на краю котораго воздвигнута искусствомъ Итальянскихъ зодчихъ удивительно красивая крѣпость съ башнями и стрѣльницами... Почти три части города омываются двумя рѣками, остальная же часть окружена очень широкимъ рвомъ, обильно наполненнымъ водою, проведенною изъ тѣхъ же самыхъ рѣкъ. И съ противоположной стороны городъ защищенъ другою рѣкою, которая называется Яузой; она также вливается въ Москву немного ниже города (262 В—263 АБВ; Библ. ин. п., 33—34).

X.

Рѣка Москва, направляясь къ югу, впадаетъ у города Коломны въ гораздо бо́льшую рѣку Оку, а не въ дальнемъ разстояніи оттуда сама Ока, значительно увеличившаяся, какъ отъ своихъ, такъ и отъ чужихъ водъ, впадаетъ въ Волгу; при сліяніи ихъ расположенъ городъ Новгородъ малый, названный по имени бо́льшаго города, откуда вышли его первые обитатели. Волга, въ древности называвшаяся Ра, беретъ начало изъ великихъ и обширныхъ болотъ, именуемыхъ Бѣлыми озерами. Они находятся выше Москвы въ направленіи вѣтровъ Аквилона и Кора[1] и выпускаютъ почти всѣ рѣки, которыя разливаются по различнымъ направленіямъ, какъ мы видимъ это въ отношеніи Альпъ, съ горъ и источниковъ которыхъ, какъ извѣстно, вытекаютъ Рейнъ, Падъ, Роданъ и безчисленныя меньшія рѣки. Такимъ образомъ, эти болота, въ замѣнъ горъ, имѣютъ въ достаточной степени неизсякаемый источникъ влаги, тогда какъ, несмотря даже на неоднократныя путешествія, въ этой странѣ не найдено никакихъ горъ; поэтому большинство изъ занимавшихся древней Космографіей признаетъ совершенно баснословными Рифейскія и Гиперборейскія горы, которыя столько разъ прославляли древніе. Итакъ, изъ этихъ болотъ берутъ начало Двина, Ока, Москва, Волга, Танаидъ и Борисѳенъ. Татары называютъ Волгу Эдилемъ, а Танаидъ—Дономъ, Борисѳенъ же нынѣ именуется Нѣпромъ. Онъ немного ниже Тавриды впадаетъ въ Евксинское море. Что же касается Танаида, то его принимаетъ въ себя Мэотидское болото въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится знаменитое торжище Азовъ. Волга же, оставивъ городъ Москву съ юга, съ огромнымъ количествомъ воды стремится обширнымъ извивомъ и огромными излучинами сперва къ Востоку, потомъ на Западъ и, наконецъ, къ Югу и изливается въ Иркан-ское море. Повыше ея устья находится Татарскій городъ, по имени Цитрахань, гдѣ Мидійскіе, Армянскіе и Персидскіе купцы устрояютъ славную ярмарку (263 B—264 AБ; Библ. ин., п. 34—35).

XI.

На болѣе отдаленномъ [лѣвомъ] берегу Волги находится Татарскій городъ Казань... Московитскіе Императоры въ разныя времена, сообразуясь съ современными обстоятельствами или слишкомъ увлекаясь желаніемъ прославить новыя и неизвѣстныя мѣстности, устраивали въ разныхъ городахъ пребываніе своей державы и двора. Такимъ образомъ, немного лѣтъ тому назадъ столицею всей Московіи былъ Новгородъ, который находится въ сторонѣ вѣтра Каврa и обращенъ почти на западъ, въ направленіи къ Ливонскому морю, и всегда удерживалъ за собою выдающееся положеніе вслѣдствіе невѣроятнаго количества своихъ зданій, удобнаго поло-

[1] Т. е. въ сѣверномъ и сѣверо-западномъ направленіи. *В. О.*

женія при весьма широкомъ и рыбномъ озерѣ и громкой славы своего весьма древняго и чтимаго храма, который сооруженъ былъ четыреста лѣтъ тому назадъ, по соревнованію съ Византійскими Цесарями, во имя Св. Софіи Іисуса Христа, сына Божія... Получилъ имя царственнаго также и городъ Владиміръ, который отстоитъ отъ Москвы болѣе, чѣмъ на двѣсти миль къ востоку... Но городъ Москва признается вполнѣ достойнымъ названія Царственнаго уже по тѣмъ преимуществамъ, которыя мы указали ранѣе... (264 БВ—265 АБ; Библ. ин. п., 35—37).

XII.

Московитская земля не производитъ въ общемъ ни лозы, ни маслины, ни одного плодоноснаго дерева съ нѣсколько болѣе сладкими плодами, кромѣ дынь и вишенъ, такъ какъ всѣ болѣе нѣжныя растенія истребляются весьма холоднымъ дуновеніемъ Борея. Однако, полевые посѣвы даютъ рожь, пшеницу, просо, гречиху и всякаго рода овощи, но самая вѣрная жатва получается отъ воску и меду. Ибо вся страна преисполнена весьма плодовитыми пчелами, которыя изготовляютъ превосходнѣйшій медъ не въ сдѣланныхъ поселянами ульяхъ, а въ самыхъ дуплахъ деревьевъ... У нихъ нѣтъ ни жилы, ни рудниковъ золота, серебра или другихъ менѣе благородныхъ металловъ, за исключеніемъ желѣза, и во всей странѣ нѣтъ никакого слѣда жемчуга или драгоцѣнныхъ камней... Однако эта несправедливость природы, совершенно отказавшей въ столькихъ благахъ, возмѣщается одной торговлей самыми благородными мѣхами, цѣнность которыхъ отъ невѣроятной алчности и роскоши людей возросла до такой степени, что мѣха, пригодные для подбивки всего одной одежды, продаются за тысячу золотыхъ монетъ. Но было время, когда эти мѣха покупали за болѣе дешевую цѣну, именно самыя отдаленныя племена Сѣвера, совершенно незнакомыя съ болѣе утонченнымъ образомъ жизни и съ нашей подчасъ гнетущей роскошью, прежде обмѣнивали эти мѣха съ великимъ простодушіемъ на дешевые и часто смѣшные предметы (266 БВ—267 БВ; Библ. ин. п., 39—40, 40—41).

XIII.

Въ той части, которая обращена къ Пруссіи, водятся огромные и очень свирѣпые буйволы, имѣющіе видъ быковъ и именуемые Бизонтами, а также животныя, латинское названіе которыхъ Alces. По своей наружности они похожи на оленей, но имѣютъ мясистую морду, высокія ноги и несгибающуюся щетку; Московиты называютъ ихъ Лосями (Lozzi), а Нѣмцы Еленями (Helenes). Эти животныя, какъ мы видимъ, были извѣстны Каю Цезарю. Кромѣ того, тамъ есть медвѣди необыкновенной величины и преогромные волки, страшные своей черной шерстью (257 В; Библ. ин. п., 23).

XIV.

Росту въ общемъ Московиты средняго, но отличаются крѣпкимъ и очень тучнымъ тѣлосложеніемъ. Глаза у всѣхъ сѣрые, бороды длинныя, ноги короткія и животы большіе. Они ѣздятъ верхомъ съ сильно поджатыми ногами и весьма искусно пускаютъ стрѣлы даже и тогда, когда бѣгутъ, и врагъ у нихъ сзади (271 B; Библ. ин. п., 48).

XV.

Супруги и вообще женщины не пользуются у нихъ такимъ почетомъ, какъ у прочихъ народовъ, а считаются почти наравнѣ со служанками. Именитые мужи удивительнымъ образомъ слѣдятъ за каждымъ ихъ шагомъ и весьма тщательно охраняютъ ихъ цѣломудріе. Поэтому ихъ не пускаютъ на пиршества и не позволяютъ ходить къ церковнымъ службамъ въ болѣе отдаленные храмы и вообще безцѣльно показываться въ народѣ. Но даже иностранцу можно легко, и притомъ за небольшую цѣну, склонить къ любовнымъ утѣхамъ всякую женщину изъ простонародья, отсюда можно думать, что знатные мужи мало стараются о снисканіи ихъ любви (273 АБ; Библ. ин. п., 51).

XVI.

Московиты, подобно Славянамъ, Далматамъ, Богемцамъ, Полякамъ и Литовцамъ, употребляютъ Иллирійскій языкъ и Иллирійскія письмена. Утверждаютъ, будто этотъ языкъ самый распространенный изо всѣхъ. Онъ хорошо извѣстенъ въ Константинополѣ при дворѣ Оттомановъ, а недавно его охотно слушали въ Египтѣ у Мемфисскаго Султана и Мамелюкскихъ всадниковъ (270 B—271 A; Библ. ин. п., 46—47).

XVII.

Домашняя жизнь ихъ представляетъ болѣе обилія, чѣмъ утонченности, ибо столы ихъ вездѣ заставлены почти всѣми тѣми кушаньями, которыхъ могутъ пожелать люди, даже весьма преданные роскоши; притомъ все съѣстное можно получить за недорогую цѣну. Именно курицы и утки продаются часто за одну небольшую серебряную монету; крупный и мелкій скотъ водится въ невѣроятномъ изобиліи, и замерзшее мясо телокъ, заколотыхъ среди зимы, не подвергается гніенію почти на протяженіи двухъ мѣсяцевъ. Какъ и у насъ, болѣе вкусныя блюда приготовляются у нихъ изъ добычи охотника и птицелова. При помощи охотничьихъ собакъ и тенетъ, они ловятъ всякаго рода звѣрей, а при помощи ястребовъ и соколовъ, удивительная порода которыхъ водится въ Печорской области, они преслѣдуютъ не только фазановъ и утокъ, но также лебедей и журавлей. По нашему мнѣнію, ястреба принадлежатъ къ низшей породѣ орловъ или коршуновъ, а соколы у древнихъ причислялись къ благородной

породѣ хищныхъ птицъ, называемыхъ по-латыни accipitres. Тамъ ловится также черноватая птица съ пунцовыми бровями, величиною съ гуся, мясо которой по своему вкусу и достоинству превосходитъ фазановъ; на Московитскомъ языкѣ она называется Тетеръ (Tether), а Плиній именуетъ ее Eregthratao... Волга доставляетъ, кромѣ того, огромныхъ и весьма вкусныхъ рыбъ, главнымъ образомъ Осетровъ, которые въ древности, по нашему мнѣнію, назывались Siluri... Другую же рыбу почти въ невѣроятномъ количествѣ ловятъ они въ упомянутыхъ уже нами бѣлыхъ озерахъ (271 B—272 АБ; Библ. ин. п., 48—50).

XVIII.

Не имѣя мѣстнаго вина, они обычно пользуются привознымъ, но только при торжественныхъ пиршествахъ и при богослуженіи. Особенно высоко цѣнится у нихъ сладковатое Критское вино, но оно употребляется только для врачебныхъ надобностей или съ цѣлью хвастовства особой княжеской роскошью. Въ самомъ дѣлѣ, питье этого вина среди Скиѳскихъ снѣговъ представляется почти что чудомъ, такъ какъ изъ Крита вывозится оно черезъ Гадитанскій проливъ[1] и, несмотря на качку, вынесенную отъ столь сильнаго волненія въ замкнутомъ морѣ и Океанѣ, сохраняетъ въ неприкосновенности отличающія его достоинства пріятнаго вкуса и душистости. Народъ же пьетъ медъ, который варятъ изъ меда и хмеля. Онъ хранится долгое время въ просмоленныхъ бочкахъ и пріобрѣтаетъ цѣну отъ древности. Кромѣ того, у нихъ употребляется пиво и водка, какъ мы видимъ это у Нѣмцевъ и Поляковъ; эти напитки варятся изъ пшеницы и ржи или ячменя и подаются на всякомъ пиршествѣ. Они утверждаютъ, что второй изъ названныхъ напитковъ, обладая извѣстною силою, сродною съ виномъ, сообщаетъ опьянѣніе тѣмъ, кто выпиваетъ его побольше. Ради удовольствія, они обычно охлаждаютъ лѣтомъ медъ и пиво, бросая въ чаши куски льду, и съ этой цѣлью у знатныхъ лицъ съ особымъ тщаніемъ хранятся въ подземныхъ погребахъ огромные куски льду. Нѣкоторые находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы пить сокъ, выжатый изъ не совсѣмъ спѣлыхъ вишенъ и напоминающій по своему цвѣту и весьма пріятному вкусу прозрачное пурпурное вино (272 БВ—273 А; Библ. ин. п., 50—51)

XIX.

Задумавъ жениться, Московитскіе Государи, по обычаю, дѣлаютъ выборъ изъ всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ въ цѣломъ царствѣ и велятъ привезти къ себѣ всѣхъ, особенно отличающихся своею наружностью и душевными качествами. Потомъ они приказываютъ свѣдущимъ людямъ и надежнымъ женщинамъ осмотрѣть ихъ... А затѣмъ уже... достойной брака съ царемъ признается та изъ нихъ, которая придется по душѣ Государю.

[1] Кадикскій, Гибралтарскій проливъ. *В. О.*

А остальныя изъ дѣвицъ, состязавшихся о первенствѣ въ красотѣ, цѣломудріи и нравственности, часто въ тотъ же самый день, въ угоду Государямъ, выходятъ замужъ за вельможъ и воиновъ (273 B—274 A; Библ. ин. п., 52).

XX.

Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ Московиты чтили языческихъ боговъ, то-есть Юпитера, Марса, Сатурна и большинство другихъ, которыхъ, въ силу безумнаго заблужденія, создала себѣ древность изъ мудрыхъ людей или изъ царей. А въ таинства вѣры Христовой посвящены они были впервые тогда, когда Греческіе епископы не съ достаточно разумной послѣдовательностью, стали выражать свое разногласіе съ Латинской церковью. Вслѣдствіе этого Московиты съ тѣми же самыми чувствами и съ самой чистосердечной вѣрою стали слѣдовать тѣмъ религіознымъ уставамъ, которые они воспріяли отъ Греческихъ учителей, именно они убѣждены, что Святый Духъ, Третье Лицо Пресвятыя Троицы, исходитъ только отъ Бога Отца, тогда какъ въ силу самой непреложной истины надлежитъ вѣровать въ Его совмѣстное происхожденіе отъ Отца и Сына Христа... Св. Дары также приготовляются Московитами не изъ опрѣсноковъ, какъ намъ слѣдуетъ это дѣлать по долгу справедливости, а изъ заквашеннаго хлѣба; при этомъ ихъ пресвитеры причащаютъ весь народъ подъ обоими видами, то-есть хлѣбомъ и божественною кровью, а у насъ этотъ способъ причащенія доступенъ для однихъ только священниковъ... Но особенно чуждымъ христіанской вѣрѣ признаемъ мы мнѣніе Московитовъ, что никакія молитвы священниковъ и никакая набожность родственниковъ или друзей не могутъ помочь душамъ усопшихъ. Они признаютъ баснословнымъ существованіе мѣста чистилища, изъ котораго души людей благочестивыхъ, искупленныя какъ продолжительнымъ наказаніемъ, огнемъ, такъ усердными поминовеніями и индульгенціей папъ, достигаютъ въ концѣ концовъ счастія безсмертныхъ въ блаженной обители небесной. Въ остальномъ они придерживаются почти тѣхъ же обрядовъ, которые въ употребленіи у Грековъ... Болѣе же всего они питаютъ отвращеніе къ Іудеямъ, даже при одномъ упоминаніи ихъ имени, и не допускаютъ ихъ въ свои предѣлы, какъ весьма сквернихъ людей и злодѣевъ, потому что тѣ еще весьма недавно научили Турокъ лить мѣдныя пушки. Во время богослуженія у нихъ произносятся громкимъ голосомъ съ возвышенія исторія жизни Христа и всѣхъ чудесъ Его, написанныя четырьмя Евангелистами, а также посланія Павла; и священнослужители, отличающіеся примѣрной жизнью, читаютъ всенародно бесѣды учителей Церкви даже въ тѣ часы, когда отнюдь не совершается богослуженіе, ибо они не считаютъ возможнымъ допускать облеченныхъ въ клобукъ Ораторовъ, у которыхъ вошло въ обыкновеніе проповѣдовать предъ созваннымъ народомъ, пускаясь какъ въ черезчуръ тщеславныя, такъ и утонченныя разсужденія о божественномъ. Мужи твердой вѣры полагаютъ, что простое ученіе скорѣе принесетъ болѣе святой плодъ нравственности грубымъ сердцамъ людей невѣ-

жественныхъ, чѣмъ самыя возвышенныя объясненія сокровеннаго. У нихъ имѣются набожно хранимые ими переводы на Иллирійскомъ языкѣ только что названныхъ священныхъ книгъ, а также изъяснителей ветхаго и новаго завѣта и, кромѣ того, Амвросія, Августина, Іеронима и Григорія. Епископы и Начальники менѣе значительныхъ священнослужителей, поставленные во главѣ надъ отдѣльными городами и селеніями, отправляютъ богослуженіе, прекращаютъ споры и преслѣдуютъ испорченность нравовъ въ силу какой-то особой карательной власти. Главу священнослуженія, именуемаго ими Митрополитомъ, они испрашиваютъ у Константинопольскаго Патріарха... Люди, добровольно отказавшіеся отъ человѣческихъ страстей и посвятившіе себя созерцанію божественнаго и священнослуженію, раздѣляются въ Московіи на два рода; какъ тѣ, такъ и другіе живутъ въ монастыряхъ, но одни ведутъ жизнь кочевую и нѣсколько болѣе свободную, какъ у насъ лица, слѣдующія уставу святыхъ Франциска и Доминика, а другіе состоятъ изъ монаховъ болѣе святой жизни, чинъ которой установленъ святымъ Василіемъ. Имъ нельзя даже переступать черезъ порогъ иначе, какъ въ случаѣ самой крайней житейской необходимости. Они ведутъ весьма суровую жизнь вдали отъ глазъ мірянъ въ сокровенныхъ убѣжищахъ и слывутъ за людей, совершенно укротившихъ свою плоть и отличающихся особо крѣпкимъ религіознымъ настроеніемъ. Весь народъ обыкновенно постится четырежды въ годъ и, кромѣ того, въ нѣкоторые дни постоянно, воздерживаясь отъ принятія въ пищу мяса, яицъ и молока. Первый постъ бываетъ, какъ и у Латинянъ, весною, послѣ нашего дня Пепла [1], затѣмъ среди лѣта въ честь святыхъ Петра и Павла, далѣе въ началѣ осени, когда мы празднуемъ воспоминаніе о взятіи на небо дѣвы Маріи, наконецъ, предъ самымъ наступленіемъ зимы, когда провозглашается пришествіе Господне. Въ теченіе же недѣли Среду проводятъ они, не вкушая мяса, а Пятницу—не вкушая ни яицъ, ни молока, въ Субботу же столъ обильно наполняется всякими яствами, и день этотъ проводится въ веселіи. Вопреки нашему обыкновенію, они не соблюдаютъ никакихъ вигилій [2] предъ праздничными днями. Съ превеликой набожностью чтутъ они храмы, такъ что въ нихъ не дозволяется входить ни мужчинамъ, ни женщинамъ, запятнавшимъ себя любовными утѣхами, если они прежде не омоются въ отдѣльныхъ баняхъ. И часто случается, что очень много лицъ того и другого пола, слушая богослуженіе, стоятъ за порогомъ, почему дерзкая молодежь иногда привѣтствуетъ обнаруженное такимъ образомъ недавнее невоздержаніе ихъ насмѣшливыми кивками. Въ день рожденія Іоанна Крестителя, въ праздникъ Пасхи и въ день трехъ Волхвовъ священники раздаютъ всему народу освященные маленькіе хлѣбцы, вкушеніе которыхъ, по ихъ мнѣнію, приноситъ облегченіе въ страданіяхъ лихорадкою. Иныя богослуженія совершаются въ опредѣленное время года, у рѣкъ,

[1] Первый день Великаго поста въ Католической церкви. *В. О.*

[2] Въ Католической церкви этимъ именемъ называются кануны праздниковъ. *В. О.*

скованныхъ морозомъ. На берегу воздвигаютъ палатку и, пригласивъ дворянство, поютъ многочисленнымъ хоромъ религіозныя пѣснопѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ обильнымъ кропленіемъ святой водой они очищаютъ текущую и съ торжественными обрядами открываютъ, тотчасъ по освященіи, оковы рѣки, обломивъ кругомъ и снявъ ледъ. По совершеніи этого по чину, присутствующіе тутъ недужные и больные прыгаютъ въ рѣку и омываются въ освященныхъ водахъ въ убѣжденіи, что отъ этого съ нихъ смывается нечистъ болѣзней. Усопшихъ, какъ и у насъ, выносятъ въ сопровожденіи священниковъ не съ особенной похоронной пышностью; голову покойниковъ покрываютъ полотномъ. Погребенію предаютъ ихъ не въ храмахъ, какъ это въ употребленіи у насъ въ силу почти нечестиваго или во всякомъ случаѣ отвратительнаго и извращеннаго обыкновенія, а въ огороженныхъ мѣстахъ и въ наружныхъ преддверіяхъ храмовъ. Согласно съ нашимъ обыкновеніемъ, ихъ поминаютъ въ теченіе сорока дней; это, конечно, представляется удивительнымъ, такъ какъ они совершенно отрицаютъ искупленіе душъ въ чистилищѣ и смягченіе наказанія за преступленія вслѣдствіе какого-либо предстательства со стороны друзей или какого-либо подвига благочестія. Въ остальномъ они съ замѣчательной твердостью вѣруютъ, касательно религіи, въ то же самое, что̀ мыслимъ и мы (267 B—270 B; Библ. ин. п., 41—46).

XXI.

На этотъ (Иллирійскій) языкъ переведено огромное множество священныхъ книгъ, главнымъ образомъ усердіемъ святаго Іеронима и Кирилла. Кромѣ ихъ отечественныхъ лѣтописей, на томъ же языкѣ у нихъ имѣется исторія Александра Великаго, Римскихъ Цесарей, а также Марка Антонія и Клеопатры. Они никогда не занимались философіей, познаніемъ звѣздъ и прочими науками, а также настоящей медициной. За врачей выдаетъ себя всякій заявляющій, что онъ неоднократно наблюдалъ дѣйствіе какой-нибудь нѣсколько менѣе извѣстной травы (271 A; Библ. ин. п., 47).

XXII.

Года считаются у нихъ не съ Рождества Христова, а съ начала міра; начинаютъ ихъ не съ Января, а съ Сентября (271 AB; Библ. ин. п., 47).

XXIII.

Василій не имѣетъ еще полныхъ сорока семи лѣтъ отъ роду и заслуживаетъ предпочтенія предъ своими предками особо красивой наружностью, выдающимися духовными качествами, любовью и расположеніемъ къ подданнымъ и ратными подвигами. Такъ онъ вышелъ побѣдителемъ изъ шестилѣтней борьбы съ Ливонцами, которые подъ предлогомъ этой войны возбудили противъ него семьдесятъ два союзные города (274 A; Библ. ин. п., 52—53).

XXIV.

До Югричей и Вогуличей надо добираться черезъ крутыя горы, которыя въ древности, вѣроятно, слыли Гиперборейскими (261 В; Библ. ин. п., 31).

XXV.

За Волгой Казанскіе Татары свято чтутъ дружбу съ Московитами и заявляютъ себя ихъ послушниками... Жители Перміи и Печоры не задолго до нашего времени, на подобіе язычниковъ, приносили жертвы идоламъ, теперь же они чтутъ Господа Христа (258 В, 261 В; Библ. ин. п., 31).

XXVI.

Повыше ея (Волги) устья находится Татарскій городъ, по имени Цитрахань, гдѣ Мидійскіе, Армянскіе и Персидскіе купцы устроянютъ славную ярмарку (264 Б; Библ. ин. п., 35).

XXVII.

На болѣе отдаленномъ [лѣвомъ] берегу Волги находится Татарскій городъ Казань, отъ котораго ведетъ свое наименованіе Казанская Орда (264 Б; Библ. ин. п., 35—36).

XXVIII.

На сто пятидесятой милѣ выше Казани, при впаденіи рѣки Суры, царствующій нынѣ Василій основалъ городъ Сурцикъ... (264 БВ; Библ. ин. п., 36).

XXIX.

Къ Сѣверу отъ Московіи обитаютъ безчисленныя племена, подвластныя Московитамъ и занимающія все пространство до Скиѳскаго Океана, на разстояніи трехъ мѣсяцевъ пути (Библ. ин. п., 29; 260 В—261 А).

XXX.

Въ Европѣ, у Ахиллова Бѣга въ Херсонесѣ Таврическомъ, живутъ Прекопиты, дочь Государя которыхъ взялъ себѣ въ жены Турецкій Императоръ Селимъ... Какъ по религіи, такъ и въ прочемъ они удивительно согласуются съ Турками, которые въ той же Таврідѣ владѣютъ Лигурійской колоніей Каффой, въ древности называвшейся Ѳеодосіей (258 Б; Библ. ин. п., 24—25).

XXXI.

Законы во всемъ царствѣ у нихъ просты и основаны на величайшемъ правосудіи Государей и самыхъ справедливыхъ людей, а потому весьма спасительны для народовъ, такъ какъ ихъ нельзя истолковать и извратить никакимъ крючкотворствомъ стряпчихъ. Воровъ, убійцъ и разбойниковъ они казнятъ смертію. Производя разслѣдованіе надъ злодѣями, они обильно поливаютъ на виновныхъ холодной водою, спуская ее съ высоты; по ихъ словамъ, этотъ родъ мученія невыносимъ. Иногда, желая вынудить сознаніе въ преступленіи у закоренѣлыхъ и упорныхъ злодѣевъ, они забиваютъ подъ ногти пальцевъ деревянные клинышки (271 Б; Библ. ин. п., 47—48).

XXXII.

Самъ Государь часто пируетъ всенародно съ вельможами и послами съ выдающейся пышностью и особымъ радушіемъ, нисколько, впрочемъ, не вредящимъ его Царственному величію, и въ той же столовой видно много тяжеловѣсной посуды изъ позолоченнаго серебра, выставленной на двухъ горкахъ. У него нѣтъ обыкновенія имѣть вокругъ себя, въ качествѣ тѣлохранителей, или содержать на жалованьѣ въ другомъ мѣстѣ отрядовъ преторіанскихъ воиновъ, а его окружаетъ только его собственная челядь. Караульную же стражу несетъ вѣрное городское населеніе. При этомъ всякій кварталъ города загражденъ воротами и рогатками, и ночью не позволяется безъ дѣла бродить по городу; во всякомъ случаѣ надо имѣть при себѣ свѣтильникъ. Весь дворъ состоитъ изъ царьковъ и отборныхъ чиновъ воинскихъ, которые поочередно призываются на опредѣленное число мѣсяцевъ изъ каждой области для посѣщенія и прославленія дворца и для исполненія обязанностей по свитѣ (275 АБ; Библ. ин. п, 54— 55).

XXXIII.

Вся молодежь упражняется въ разнообразныхъ играхъ и притомъ весьма близкихъ къ воинской службѣ, состязается въ бѣгѣ взапуски, борется въ кулачномъ бою и ѣздитъ въ конскомъ ристаніи; всѣмъ, а въ особенности самымъ опытнымъ изъ стрѣлковъ, назначаются награды (271 БВ; Библ. ин. п., 48).

XXXIV.

Пѣшія войска почти ни къ чему не пригодны въ этихъ обширныхъ пустыняхъ какъ по самому своему одѣянію, которое у нихъ развѣвается и доходитъ до пять, такъ и по привычкамъ ихъ враговъ, которые упражняются при воинской службѣ скорѣе въ набѣгѣ и быстрой ѣздѣ, чѣмъ въ правильномъ сраженіи или схваткѣ. Ростъ лошадей ихъ ниже средняго, но онѣ считаются крѣпкими и очень быстрыми. Конница ихъ ведетъ борьбу заостренными копьями, желѣзными булавами и стрѣлами; только немногіе имѣютъ сабли. Тѣло у нихъ защищено круглыми большими щи-

тами, какъ у Азіатскихъ Турокъ, или маленькими, изогнутыми и угловатыми, на подобіе Грековъ, а также бронею, на голову же они надѣваютъ пирамидальный шлемъ (274 B—275 A; Библ. ин. п., 53—54).

XXXV.

Во время войны открывается благородное поприще для истинной доблести, и вообще во всякой отрасли управленія имѣются превосходныя и полезныя учрежденія, такъ что каждый за совершонный имъ поступокъ получаетъ въ удѣлъ или вѣчную награду, или вѣчный стыдъ (275 B; Библ. ин. п., 55).

XXXVI.

Съ востока сосѣдями Московіи являются Скиѳы, нынѣ именуемые Татарами, народъ кочевой и во всѣ вѣка славный своею воинственностью. Въ качествѣ домовъ Татарамъ служатъ повозки, крытыя войлоками и кожами; за этотъ образъ жизни древній міръ назвалъ ихъ Амаксовіями [живущими въ повозкахъ]. Въ замѣнъ же городовъ и замковъ, у нихъ есть неизмѣримой величины лагери, окруженные не рвами или деревянными укрѣпленіями, а безпредѣльнымъ количествомъ конныхъ стрѣлковъ (257 B—258 A; Библ. ин. п., 24).

XXXVII.

Татары раздѣляются на Орды; на ихъ языкѣ слово это значитъ собраніе единомыслящаго народа, на подобіе государства. Во главѣ каждой Орды стоитъ единый Императоръ, выдвинутый или своимъ происхожденіемъ, или воинскою доблестью, ибо они часто ведутъ войны съ сосѣдями и весьма тщеславно и свирѣпо состязаются о власти. Извѣстно, что число Ордъ почти безконечно, такъ какъ Татары занимаютъ весьма широкія и пустынныя мѣстности вплоть до Китая, славнѣйшаго государства на краю восточнаго Океана (258 АБ; Библ. ин. п., 24).

XXXVIII.

За ними (Шибанскими Татарами) живутъ Ногайскіе Татары, которые имѣютъ нынѣ наивысшее значеніе по своему богатству и воинской славѣ. Орда ихъ, несмотря на всю свою обширность, не имѣетъ никакого Императора, но на подобіе Венеціанской Республики, управляется значительнымъ благоразуміемъ старцевъ и доблестью храбрецовъ (258 B—259 A; Библ. ин. п., 25).

XXXIX.

За Ногаями, если свернуть немного къ югу, въ направленіи къ Гирканскому морю, живутъ самые знаменитые изъ Татаръ, Загатайскіе. Они населяютъ города, выстроенные изъ камня, и имѣютъ царственный городъ

Самаркандъ, выдающійся по своей величинѣ и славѣ. Черезъ него протекаетъ величайшая въ Согдіанѣ рѣка Яксартъ; въ ста приблизительно миляхъ оттуда она впадаетъ въ Каспійское море. Съ этими народами въ наше время велъ войны, и часто съ сомнительнымъ успѣхомъ, Измаилъ Софи, царь Персидскій. Изъ боязни ихъ, онъ выставилъ противъ ихъ нападенія всѣ силы и предоставилъ въ добычу Селиму, побѣдившему его въ одномъ только сраженіи, Арменію и столицу царства, Таврисъ (259 A; Библ. ин. п., 25—26).

XL.

На отдаленномъ... берегу... Океана, гдѣ обширнѣйшія королевства, Норвегія и Швеція, соединяются съ материкомъ какъ бы на подобіе Перешейка, живутъ Лапландцы; дикость и подозрительность этого народа превышаетъ всякое вѣроятіе... Лапландцы отличаются небольшимъ ростомъ, блѣдносиними истомленными лицами и очень проворными ногами. Умственныхъ способностей ихъ не знаютъ даже ихъ ближайшіе сосѣди Московиты, такъ какъ нападеніе на нихъ съ небольшимъ отрядомъ признаютъ за гибельное безуміе, тревожить же большими полчищами людей, ведущихъ жизнь, преисполненную всякихъ лишеній, считаютъ и безполезнымъ, и вовсе безславнымъ. Они обмѣниваютъ на разнаго рода товары ослѣпительно бѣлые мѣха, называемые у нихъ горностаевыми, но при этомъ избѣгаютъ всякаго разговора съ купцами и даже ихъ лицезрѣнія, такъ что, произведя взаимное сличеніе продаваемыхъ вещей и оставивъ посрединѣ между ними мѣха, они съ самымъ чистосердечнымъ довѣріемъ совершаютъ обмѣнъ съ лицами отсутствующими и неизвѣстными (260 АБВ; Библ. ин. п., 27—29).

XLI.

Нѣкоторые свидѣтели выдающейся достовѣрности сообщили, что за Лапландцами, въ странѣ, обвѣваемой дуновеніемъ Кора и Аквилона и окутанной глубокимъ мракомъ, живутъ Пигмеи. Когда они достигаютъ полнаго развитія, то своими размѣрами едва превосходятъ нашего десятилѣтняго мальчика. Это люди отъ природы боязливые; свою рѣчь они выражаютъ щебетаніемъ; они, повидимому, настолько же близки къ обезьянѣ, насколько по своему росту и чувствованіямъ далеки отъ человѣка надлежащаго развитія (260 В; Библ. ин. п., 29).

XLII.

...Павелъ[1], человѣкъ съ безумной и ненасытной душою, искалъ новаго и невѣроятнаго пути для добыванія благовоній изъ Индіи. Именно, зани-

[1] Генуэзскій капитанъ. Въ первый разъ онъ былъ въ Москвѣ съ грамотами отъ папы Льва X и магистра Тевтонскаго ордена, Альбрехта. Преслѣдуя торговые интересы (открытіе новаго пути въ Индію), Павелъ, несмотря на это, велъ съ приближенными Василія III переговоры и о соединеніи цер-

маясь торговыми дѣлами въ Сиріи, Египтѣ и Понтѣ, онъ узналъ по слухамъ, что благовонія можно подвозить вверхъ по рѣкѣ Инду изъ отдаленной Восточной Индіи, откуда по непродолжительному сухому пути, переваливъ черезъ горный хребетъ Паропанисидскій, ихъ можно перевезти въ рѣку Бактріановъ, Оксъ; эта послѣдняя беретъ начало почти изъ тѣхъ же горъ, какъ и Индъ, и въ противоположномъ съ нимъ направленіи изливается при портѣ Стравѣ въ Гирканское море, принявъ предварительно въ себя много рѣкъ. Далѣе, по развѣдкамъ Павла, отъ самой Стравы представляется безопасное и легкое плаваніе вплоть до торжища Цитрахи и устья рѣки Волги; оттуда же, поднимаясь непрестанно вверхъ по рѣкамъ, а именно: по Волгѣ, Окѣ и Москвѣ, можно добраться до города Москвы, отъ Москвы же сухимъ путемъ до Риги и въ самое Сарматское море, а также во всѣ западныя страны. Павелъ сильно и превыше мѣры разсерженъ былъ на несправедливость Лузитанцевъ, которые покорили значительную часть Индіи оружіемъ и, занявъ всѣ рынки, скупали затѣмъ всѣ благовонія и отправляли ихъ въ Испанію, послѣ чего обычно продавали ихъ всѣмъ народамъ Европы за болѣе значительную, чѣмъ раньше, цѣну и съ огромною выгодою. Мало того, они съ такимъ тщаніемъ и стараніемъ держали подъ неусыпной охраной своихъ кораблей берега Индійскаго моря, что, повидимому, совершенно прекратились и были оставлены тѣ торговыя сношенія, которыя происходили въ изобиліи по всей Азіи и Европѣ черезъ Персидскій заливъ, вверхъ по Евфрату, по узкому Аравійскому морю, а затѣмъ по теченію Нила и по нашему [Средиземному] морю, хотя при этихъ сношеніяхъ товары стоили гораздо дешевле. Кромѣ того, Павелъ жаловался, что товаръ Лузитанцевъ былъ гораздо хуже, такъ какъ, повидимому, отъ неудобствъ весьма дальняго плаванія и отъ недостатковъ нижней части корабля, благовонія портятся, ихъ сила, вкусъ и душистый запахъ отъ продолжительнаго пребыванія въ Олизипонскихъ[1] торговыхъ кладовыхъ исчезаютъ и выдыхаются; затѣмъ Лузитанцы постоянно приберегаютъ болѣе свѣжіе товары, а продаютъ только старые и притомъ заплѣсневѣлые отъ долгаго лежанія (252 B—253 АБВ; Библ. ин. п., 14—16).

XLIII.

Достаточно хорошо извѣстно, что Двина, увлекая безчисленныя рѣки, несется въ стремительномъ теченіи къ Сѣверу, и что море тамъ имѣетъ

квей. Онъ возвратился въ Италію съ отвѣтною грамотой вел. князя уже по смерти Льва X. Въ 1525 г. Павелъ вторично пріѣхалъ въ Москву съ письмомъ отъ Климента VII уже не по торговымъ дѣламъ, а въ качествѣ папскаго посла, чтобы склонить Василія III къ войнѣ съ Турками и къ соединенію церквей. Посольство это не имѣло успѣха. Пробывъ въ Москвѣ два мѣсяца, Павелъ возвратился въ Италію, въ сопровожденіи воликокняжескаго посла Дмитрія Герасимова. *В. О.*

[1] Т. е. лиссабонскихъ. *В. О.*

такое огромное протяженіе, что, по весьма вѣроятному предположенію, держась праваго берега, оттуда можно добраться на корабляхъ до страны Китая, если въ промежуткѣ не встрѣтится какой-нибудь земли. Страна Китайцевъ простирается на отдаленномъ Востокѣ, почти по одной параллели съ Ѳракіей; Лузитанцы познакомились съ Китайцами въ Индіи, такъ какъ они весьма недавно плавали для закупки благовоній чрезъ страну Синовъ, Мелаху, вплоть до золотого Херсонеса и привозили одежды изъ собольихъ мѣховъ. Даже по этому одному признаку городъ Китай, по нашему мнѣнію, находится недалеко отъ Скиѳскихъ береговъ (262 АБ; Библ. ин. п., 31—32).

XLIV.

...Павелъ... указывалъ, что, въ случаѣ открытія этого пути, пошлины съ товаровъ значительно пріумножатъ государеву казну, а, кромѣ того, сами Московиты могутъ гораздо дешевле покупать благовонія, которыя употребляются ими въ огромномъ количествѣ во всѣхъ блюдахъ... (253 В—254 А; Библ. ин. п., 16).

XLV.

Часто находятъ огромное количество сотовъ, скрытыхъ въ деревьяхъ, и старый медъ, покинутый пчелами, такъ какъ рѣдкіе обитатели отнюдь не изслѣдуютъ каждаго дерева въ обширныхъ рощахъ; такимъ образомъ, въ удивительной толщины древесныхъ пняхъ находятъ они иногда превеликія озера меду. Посолъ Димитрій, отличающійся веселымъ и остроумнымъ характеромъ, разсказывалъ при громкомъ смѣхѣ всѣхъ присутствующихъ, что въ недавнее время одинъ поселянинъ, жившій по сосѣдству съ нимъ, прыгнулъ сверху для отысканія меда въ очень большое дуплистое дерево, и глубокая медовая пучина засосала его по грудь; два дня онъ питался однимъ только медомъ, такъ какъ голосъ мольбы о помощи не могъ въ этихъ уединенныхъ лѣсахъ достигнуть до ушей путниковъ. Напослѣдокъ же, когда онъ уже отчаялся въ спасеніи, онъ по удивительной случайности былъ извлеченъ и выбрался оттуда благодѣяніемъ огромной медвѣдицы, такъ какъ этотъ звѣрь случайно, подобно человѣку, спустился туда поѣсть меду. Именно поселянинъ схватился руками сзади за крестецъ медвѣдицы, та перепугалась отъ этой неожиданности, а онъ заставилъ ее выпрыгнуть какъ тѣмъ, что потянулъ ее, такъ и тѣмъ, что громко закричалъ (266 В—267 А; Библ. ин. п., 39—40).